

Ольга Ефимова

Таксидермистка

18+

Ольга Ефимова
Таксидермистка

«Автор»

2026

Ефимова О.

Таксидермистка / О. Ефимова — «Автор», 2026

Она не убивает монстров. Она их препарирует. Агата Воронцова — бывший криминалист, потерявшая семью в пожаре и вместе с ними — дар видеть Швы, тонкие трещины между мирами. Но через пять лет дар возвращается, и теперь она работает таксидермисткой, реставрируя чучела животных. Когда в городе появляется серийный убийца, оставляющий на местах преступлений старинные пуговицы с рунами, Агата получает заказ от таинственного клиента. Её задача — найти сущность, вселяющуюся в людей и заставляющую их совершать идеальные убийства. Сущность, питающуюся не страхом, а чувством вины. Но клиент лжёт. Он был первым носителем Зеркальщика и хочет не остановить монстра, а вернуть его, чтобы обрести бессмертие. А текущий носитель — патологоанатом, считающий себя святым, убивающий, чтобы «забирать» вину других. Агата не убивает никого. Она консервирует сущность в старинном зеркале, разбивает его на тысячи осколков, но в последний момент слышит имя убийцы своей семьи. Она — не охотник, а ловец.

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Стекланный волк	7
Глава 2. Руна под языком	13
Глава 3. Человек в костюме	18
Глава 4. Запах гари	24
Глава 5. Старый друг	30
Глава 6. Пуговичный мастер	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Ефимова

Таксидермистка

Пролог

Она проснулась от запаха гари за двадцать минут до того, как рухнули перекрытия.

В тот вечер Агата ещё не была таксидермисткой. Она была криминалистом, матерью и женщиной, которая слишком хорошо видела Швы. Тонкие, как паутина, линии между мирами — они вились в воздухе её квартиры уже несколько недель, особенно густо в углу детской, где спала трёхлетняя Зоя. Агата тогда думала, что это просто усталость, игра света от уличных фонарей. Она ошиблась.

Пламя родилось не на кухне и не из-за проводки. Оно выплеснулось из Шва — прямо из того угла, где висела старая люстра с хрустальными подвесками. Агата видела, как оно вытекает, как масло, переливаясь фиолетовым и багровым, и слышала не треск дерева, а шепот. Там, по ту сторону, кто-то смеялся.

Она помнила только две вещи.

Первое — как она бежала по коридору, пробиваясь сквозь дым, и пыталась нащупать тот самый Шов, чтобы захлопнуть его. Она была Чистильщицей, пусть и неопытной. Её руки горели, когда она касалась истончённой ткани реальности. Она видела, как огонь *дышит*, как он выбирает жертву — не случайно, а с намерением.

Второе — как она стояла перед дверью спальни, где остались муж и дочь, и не могла её открыть. Не потому, что ручка была горячей. А потому, что Шов разверзся прямо у неё под ногами, и из него хлынул не огонь, а *чужая вина* — густая, как смола, липкая, как кровь. Она упала на колени, пытаясь разорвать эту липкую пелену, и в тот момент, когда её пальцы сомкнулись на горле Шва, она почувствовала, как нечто внутри неё самой — её дар, её зрение — лопается, как мыльный пузырь.

Тьма. Треск падающих балок. Чей-то крик, который она никогда не сможет забыть, потому что это был её собственный голос, срывающийся на ультразвук.

А потом — тишина.

Больница пахла хлоркой и чужим страхом. Агата открыла глаза, и мир оказался плоским, лишённым тех тонких золотистых нитей, которые она привыкла видеть с детства. Швы исчезли. Вместе с ними исчезла и её семья. Пожарные сказали — случайность, короткое замыкание. В газетах написали — трагедия. Агата не спорила. Она смотрела в белый потолок и чувствовала только пустоту внутри, такую же холодную, как руки, которые она протягивала к той двери.

Она лежала так три дня. Молча. Пока в палату не вошёл старый таксидермист, сосед по лестничной клетке, и не положил ей на тумбочку маленькое чучело воробья. Птица застыла в прыжке, с поднятым крылом, будто собиралась взлететь с ладони.

— Ткань реальности, — сказал он тихо, — не шьют. Её консервируют. Я научу тебя, если хочешь.

Агата взяла воробья. Провела пальцем по его стеклянному глазу и вдруг поняла: она больше никогда не будет видеть Швы открытыми. Но она научится видеть души — зашитыми в шкуры, законсервированными в поступках, застывшими в жестах. Она станет той, кто препарировать живое, чтобы вернуть ему форму. И, может быть, когда-нибудь она сможет законсервировать своё собственное прошлое, чтобы оно перестало кровоточить.

Пять лет спустя она сидела в мастерской, пахнущей клеем и деревом, и вставляла стеклянные глаза волку. В окно стучал осенний дождь. За спиной, в разбитом зеркале, треснувшем ещё при ней, мелькали огни города, в котором Швы снова стали видны.

Она знала, что они вернуться. Знала, что заплатит за это.

Но когда в дверь позвонили, и она открыла, увидев человека в дорогом костюме с глазами, полными лжи, Агата Воронцова улыбнулась.

Потому что для того, чтобы консервировать чужие души, не обязательно быть живой.

Достаточно быть пустой.

А она была пуста ровно настолько, чтобы заполнить эту пустоту чужими грехами.

Глава 1. СтеклЯнный волк

Мастерская Воронцовой пряталась в подвале старого доходного дома на улице Мясницкой — той самой, где фасады ещё помнили империю, а подвалы — тайные типографии и склады контрабанды. Дом давно расселили, первые этажи сдавались под мастерские и маленькие бюро, но подвал оставался ничьим, пока пять лет назад Агата не спустилась по скрипучей лестнице с ржавыми перилами и не вставила ключ в замок, который не открывали десятилетиями. Запах, встретивший её тогда, был похож на дыхание умершего зверя — сырой, землИстый, с нотками гнилого дерева и старого железа. Она не испугалась. Она вдохнула его полной грудью и поняла, что нашла место, где сможет дышать.

Сейчас, через пять лет, этот запах стал её собственным — смесь формалина, столярного клея, воска и табака, который она курила редко, но всегда держала на столе пачку «Беломорканала» для клиентов, которые нервничали. Комната была заставлена стеллажами от пола до потолка, и на каждом ярусе сидели, лежали или застывали в вечном движении чучела животных. Лисы, белки, сова с расправленными крыльями, барсук, который, казалось, вот-вот чихнёт, — все они смотрели стеклянными глазами в одну точку, и в этой неподвижности было что-то успокаивающее, как в старых чёрно-белых фотографиях, где время застыло навсегда. Агата знала каждого из них по имени, которое давала сама: лиса Злата, сова Офелия, барсук Борис. Она не была сентиментальной, просто так легче было работать — придавать мёртвой плоти иллюзию жизни требовало не только мастерства, но и уважения к тому, что когда-то дышало.

Сегодня она заканчивала волка.

Волк приехал к ней из областного краеведческого музея — его списали как непригодный для экспозиции, и директор, знакомый с Агатой через старые связи, попросил «реанимировать» его для частной коллекции. Шкура была в ужасном состоянии: моль проела дыры на загривке, левый глаз выпал и потерялся где-то при транспортировке, а проволочный каркас внутри погнулся так, что волк выглядел не хищником, а побитой дворнягой. Агата взялась за работу три недели назад и теперь накладывала последние штрихи.

Она сидела за высоким дубовым столом, заваленным инструментами — скальпели разных размеров, пинцеты с тонкими, как иглы, кончиками, кисточки из беличьего волоса, баночки с красками, клей в пузырьках, гипсовые формы для глаз. На её пальцах были тонкие хирургические перчатки, которые она меняла каждые полчаса — не из-за стерильности, а из-за того, что клей и воск въедались в кожу, и она чувствовала их даже сквозь резину. Сейчас она вправляла стеклянный глаз в орбиту волка — не тот, что потерялся, а новый, заказанный у стеклодува с Сенной площади, который делал глаза для таксидермических работ по старинной технологии. Глаз был янтарного цвета с чёрным зрачком, глубоким и живым, как у настоящего зверя. Агата осторожно вставила его в пустую глазницу, поправила веком, смазанным специальным воском, и откинулась на спинку стула.

Волк смотрел на неё.

Он стоял на подставке из полированного дуба, в позе атаки — передние лапы чуть согнуты, пасть приоткрыта в беззвучном рыке, холка вздыблена. Агата провела пальцем по его серо-бурой шерсти, чувствуя, как воск и клей сделали её жёсткой, почти каменной. Она знала, что волк больше никогда не побежит, не завоюет на луну, не вцепится в горло оленю. Но в его стеклянных глазах жило что-то, что она называла «покойным светом» — отражение той жизни, которую она законсервировала, как варенье в банке, чтобы оно не испортилось и не превратилось в прах.

— Ты был хорошим зверем, — сказала она волку тихо. — Ты не боялся смерти. Ты просто застыл. Теперь ты будешь стоять в кабинете какого-нибудь толстого коллекционера, и пугать его внуков. Неплохая судьба для хищника.

Она сняла перчатки и бросила их в ведро, где уже лежали десятки таких же — жёлтые, липкие, с остатками воска. Потом закурила, нарушая собственное правило «не курить в мастерской», но сегодня был какой-то тягучий вечер, когда хотелось нарушать все правила. За окном, которое выходило в зарешечённый подвальный колодец, сгущались сумерки, и в стекле отражался тусклый свет настольной лампы с зелёным абажуром. Агата смотрела на своё отражение — резкие скулы, тени под глазами, седая прядь в чёрных волосах, которую она не закрашивала уже два года. Тридцать пять лет, а выглядит на все сорок пять, подумала она. Но это была цена дара.

Дар вернулся к ней восемь месяцев назад.

Она не ждала его. Она привыкла жить без Швов — без этих тонких паутинных линий, которые вились в воздухе там, где реальность истончалась, и через неё просачивалось нечто иное. Пять лет она была слепой, как любой обычный человек, и это даже облегчало существование — не видеть, как город кишит мелкими сущностями, как в переулках застревают остатки чужих кошмаров, как в старых домах паркет дышит чьей-то тоской. Но восемь месяцев назад, просыпаясь от кошмара о пожаре, она впервые открыла глаза и увидела над своей кроватью тонкую золотистую нить, которая пульсировала в такт сердцебиению. Она не поверила, потёрла глаза, но нить не исчезла. Она протянула к ней руку, и кончики пальцев обожгло знакомым холодом — тем самым, который она помнила по прошлой жизни. Дар вернулся. Но он изменился.

Раньше она видела Швы как нейтральные линии — просто места, где мир прохутился. Теперь она видела их иначе: они пахли. Каждый Шов имел свой запах, и по запаху можно было определить, что именно просачивается с той стороны. Запах мокрой шерсти означал мелкую тварь, старую как мир. Запах горелой бумаги — сущности, питающиеся памятью. Запах озона и крови — хищников, охотящихся на людей. Она научилась различать их за эти месяцы, хотя и не искала встреч. Она не была охотником. Она была таксидермистом и теперь применяла своё искусство к тому, что проникало в мир через Швы — она находила их слабости, якоря, привязывающие их к реальности, и «распускала» сущности, не уничтожая тела носителей. Это было тонкое, почти ювелирное дело, и оно требовало терпения, которое у неё было, и холодной головы, которая тоже никуда не делась.

Волк смотрел на неё из прошлого. Она смотрела на волка из настоящего. Между ними стояла тишина, нарушаемая только тиканьем старых напольных часов. Которые она притащила из антикварной лавки на Садовой — они шли неверно, спешили на семь минут. Но она не стала их чинить, потому что в этом был свой ритм, свой размер, который успокаивал.

Зазвонил телефон.

Старый чёрный аппарат с дисковым набором, подключённый к единственной работающей телефонной линии в подвале, стоял на тумбочке у двери. Агата не торопилась снимать трубку — она докурила сигарету и затушила её о край жестяной банки из-под кофе, которая служила пепельницей. Потом подошла, подняла трубку и сказала:

— Мастерская Воронцовой.

Голос на том конце был мужским, низким, с лёгкой хрипотцой. Она сразу узнала его — капитан Соколов из городского управления, с которым она сотрудничала на неофициальной основе. Он никогда не звонил просто так.

— Агата, извини за поздний час. У нас тут... странное дело.

Она не спросила «какое». Она спросила:

— Нашли пуговицу?

Пауза. Соколов никогда не умел скрывать удивления, и сейчас его молчание говорило громче слов.

— Откуда ты знаешь? — спросил он наконец.

— Интуиция, — сказала Агата, хотя на самом деле она просто почувствовала запах, просочившийся сквозь телефонную трубку — лёгкий, едва уловимый, но отчётливый: запах старой латуни и пыльных архивов. Так пахли руны, которые она научилась распознавать в последнее время. — Приеду через полчаса. Где?

— Морг на Октябрьской, как всегда. Я тебя встречу.

Она положила трубку, не прощаясь, и надела пальто — старое, верблюжьего цвета, с вытертыми локтями, в котором было тепло и которое не жалко испачкать. В кармане лежал замшевый чехол со скальпелем — её рабочим инструментом, который она носила с собой везде, даже в продуктовый магазин. Скальпель был её, особенный — она купила его у хирурга-пенсионера, который торговал инструментарием на блошином рынке. Лезвие было из старой немецкой стали, не тупилось годами, и ручка из чёрного дерева идеально лежала в ладони. Она вышла из мастерской, заперла дверь на два оборота, и поднялась по лестнице, вдыхая сырой воздух подвала, который смешивался с вечерней прохладой улицы.

Город встречал её неонами и шумом. Улица Мясницкая в этот час была почти пуста — лишь редкие прохожие, машины, паркующийся у бордюров, да дворник с метлой, который уже час подметал одни и те же листья, делая вид, что работает. Агата остановилась на углу, закурила вторую сигарету и посмотрела вверх, на небо. Швы сегодня были особенно видны — тонкие золотистые линии, пересекающие небо, как паутина, которую кто-то натянул между крышами. Она видела их без напряжения, они пульсировали в такт городу, и в этом пульсе чувствовалось что-то беспокойное, тревожное. Город болел. Он всегда болел, но сегодня боль казалась острее.

Она поймала такси, назвала адрес и уставилась в окно. Фонари проплывали мимо, и в каждом стекле она ловила своё отражение — женщину с резким лицом и вечно усталым взглядом. Она думала о том, что Соколов позвонил именно сейчас, когда она почти закончила волка, когда она позволила себе минуту покоя. Она знала, что покой в её жизни — это роскошь, за которую всегда придётся платить. И плата уже стояла на пороге — в виде трупа с пуговицей на месте преступления.

Морг на Октябрьской был серым зданием с облупившейся штукатуркой и ржавой решёткой на окнах. Его никто не ремонтировал последние лет двадцать, и внутри пахло хлоркой, дешёвым мылом и чем-то сладковатым, что всегда сопутствует смерти. Агата вошла через служебный вход, где её уже ждал Соколов — высокий, сутулый мужчина лет пятидесяти, с лицом, которое не помнило улыбки. Он был одет в мятую куртку и держал в руках папку с документами.

— Привет, — сказал он, протягивая папку. — Смотри сама. Я в таких делах не разбираюсь.

Агата взяла папку, открыла. Фотографии места преступления — квартира в центре, дорогая, с антикварной мебелью. Жертва — мужчина, лет сорока, бизнесмен, известный в определённых кругах. Убит выстрелом в голову, но не из огнестрельного — из пневматического пистолета для подводной охоты, что странно. И рядом с телом, на паркете, лежала старинная пуговица. Агата поднесла фото к глазам — пуговица латунная, с выгравированной руной. Руна «Ансуз» — связь, правда, коммуникация. Она знала эту руну. Она видела её раньше на других местах преступлений.

— Это третий случай за полгода, — сказал Соколов, будто прочитав её мысли. — Всегда одинаковая пуговица, всегда руна, всегда убийство идеальное — нет следов, нет свидетелей, нет мотивов. Обычные люди, без врагов, без долгов, без проблем. И пуговица.

— Полиция считает это ритуалом? — спросила Агата, закрывая папку.

— Полиция считает это чушью. Начальство давит, чтобы списали на заказное. Но я знаю, что здесь что-то другое. И ты знаешь.

Она кивнула. Она действительно знала. Запах руны ощущался даже здесь, в коридоре морга, смешиваясь с формальдегидом. Этот запах был знаком ей по двум предыдущим делам, которые она не бралась расследовать, потому что тогда ещё не была уверена в своём даре. Сейчас она была уверена.

— Покажи тело, — сказала она.

Соколов провёл её в секционный зал. Холодный кафель, стальные столы, свет люминесцентных ламп, от которого болели глаза. Тело бизнесмена лежало на столе, накрытое простыней. Соколов откинул простыню, и Агата увидела лицо мужчины, которое в смерти выглядело почти спокойным, если не считать входного отверстия под правым глазом. Она подошла ближе, надела перчатки, которые протянул Соколов, и начала осмотр.

Она не искала улики в обычном смысле. Она искала Шов.

Агата провела рукой над телом, на расстоянии нескольких сантиметров, и почувствовала тепло. Не то тепло, которое бывает у живого человека, а другое — липкое, маслянистое, как будто кожа была покрыта невидимой слизью. Она закрыла глаза и сосредоточилась. Запах. Она вдохнула и уловила его — запах старого зеркала, пыли и меди. Этот запах, она уже слышала раньше, на месте второго убийства, но тогда он был слабым, почти неуловимым. Сейчас он бил в ноздри с силой, заставляя желудок сжаться.

— Что ты чувствуешь? — спросил Соколов.

— След, — ответила она, открывая глаза. — Сущность была здесь. Она не убивала напрямую, она использовала носителя. Кто-то из людей сделал это, но не по своей воле. Или по своей, но с чужой помощью.

Она осмотрела руки жертвы — ногти чистые, никаких следов борьбы. Убийца был профессионалом или сущность дала ему полный контроль. Пуговица, найденная на месте, была не просто уликой, а якорем — тем, что привязывало сущность к реальности. Руна «Ансуз» указывала на правду, но здесь она служила обратной цели — она скрывала истину, заставляя жертву молчать даже после смерти.

Агата взяла пинцет и осторожно осмотрела тело на предмет других следов. Ничего. Ни ран на спине, ни укусов, ни ожогов. Только выстрел и пуговица. И запах.

— Я заберу пуговицу, — сказала она Соколову. — Надо проверить, откуда она.

— Она в вещдоках, — вздохнул капитан. — Оформляй запрос, и я дам.

— Я могу забрать её сейчас. Ты же знаешь, что я не подведу.

Он посмотрел на неё, и в его глазах была смесь доверия и усталости. Он действительно доверял ей, хотя не понимал её методов. Он видел результаты — она помогала закрывать дела, которые другие не могли даже сдвинуть с места. Поэтому он кивнул и вышел, чтобы через несколько минут вернуться с маленьким пластиковым конвертом, внутри которого лежала латунная пуговица с руной.

Агата взяла конверт, положила в карман пальто, рядом со скальпелем, и почувствовала, как пуговица вибрирует, словно живая. Она знала, что это не просто металл. Это был ключ. Ключ к сущности, которую она искала, даже не зная об этом.

Вернувшись в мастерскую, она села за стол, положила пуговицу перед собой и долго смотрела на неё при свете лампы. Руна «Ансуз» казалась простой, но Агата знала, что каждая руна — это целый мир, и за этим миром стоит что-то большее. Она взяла пуговицу, поднесла к носу и вдохнула запах — тот же запах, что был на теле, но здесь он был ярче, концентрированнее. Она могла бы попытаться найти источник, но для этого требовалось время, которого у неё не было, потому что в этот момент в дверь позвонили.

Она удивилась. В подвал редко приходили так поздно, почти ночью. Она застегнула пальто, подошла к двери и открыла.

На пороге стоял мужчина в дорогом костюме.

Он был высок, сухопар, с лицом, которое казалось вырезанным из слоновой кости — никаких эмоций, никаких морщин, кроме двух глубоких вертикальных складок между бровей. Его серый костюм был безупречно скроен, галстук завязан строгим узлом, а на пальце левой руки блестел перстень с чёрным камнем, который Агата сразу не узнала, но запомнила. Он пах дорогим табаком и чем-то ещё — чем-то знакомым, но она не могла вспомнить, где уже слышала этот запах.

— Агата Воронцова? — спросил он. Голос был низкий, с лёгкой хрипотцой, похожей на голос Соколова, но более гладкий, более контролируемый.

— Слушаю вас, — ответила она, не приглашая войти.

Он не стал ждать приглашения — просто шагнул через порог, прошёл в мастерскую, огляделся. Его взгляд скользнул по стеллажам с чучелами, по столу с инструментами, по волку, и ни на чём не задержался больше чем на секунду. Он смотрел на всё с лёгким презрением, как человек, который привык видеть только красивые вещи и не понимает, как можно работать в таком беспорядке.

— Мне нужна ваша помощь, — сказал он, поворачиваясь к ней. — Я заплачу, сколько скажете.

Агата закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и скрестила руки на груди. Она не любила, когда в её пространство вторгаются без спросу, но этот человек вызывал не раздражение, а настороженность. Он был слишком спокоен, слишком уверен, и в его глазах не было ни страха, ни отчаяния — только холодный расчёт.

— О какой помощи идёт речь? — спросила она.

— Мне нужна сущность. — Он сказал это так же просто, как если бы сказал «мне нужен кофе». — Говорят, вы умеете находить их и... обезвреживать. Не убивая носителей. Я хочу, чтобы вы нашли одну конкретную сущность и сделали с ней то, что вы делаете. Я заплачу.

Агата почувствовала, как пуговица в кармане нагрелась, словно реагируя на его слова. Она не стала показывать, что это её заинтересовало, но в голове уже включался механизм анализа.

— У меня есть другие заказы, — сказала она ровно. — И я не работаю с людьми, которые не говорят, кто они и что им на самом деле нужно.

Мужчина улыбнулся — тонко, краешками губ, и в этой улыбке было что-то хищное.

— Меня зовут Александр Игоревич. Я коллекционер. Не антиквариата, не картин. Я коллекционирую... события. Моменты, когда реальность даёт трещину. И я знаю, что сейчас по городу бродит нечто, что оставляет на местах убийств старинные пуговицы. Вы видели одну из них, не так ли? — Он кивнул на её карман. — Она у вас в кармане.

Агата не дрогнула. Она выдержала паузу и сказала:

— Откуда вы знаете?

— Я слежу за этой историей уже давно. И знаю, что вы — единственная, кто может остановить это. Или... не остановить. Найти. Понять. Я не прошу вас убивать. Я прошу вас найти её и сделать так, чтобы она больше не могла навредить. А я дам вам всё, что попросите.

Он достал из внутреннего кармана пиджака чековую книжку и написал сумму, которая заставила бы многих потерять дар речи. Агата посмотрела на цифры и не почувствовала ничего. Деньги были для неё абстракцией — они оплачивали аренду, инструменты, еду, но не приносили радости. Радость приходила от другого — от того, что она могла соединить разорванные ткани реальности.

— Я соглашусь, — сказала она, — но при одном условии. Вы скажете мне, что за сущность и почему она выбрала именно сейчас. И вы не будете врать. Я чувствую ложь, Александр Игоревич. Это моя работа.

Он посмотрел на неё долгим взглядом, и на секунду Агата показалось, что в его глазах мелькнула тень — нечто старое, уставшее, почти трагичное. Но тень исчезла так же быстро, как появилась.

— Хорошо, — сказал он. — Я расскажу, но не здесь. Завтра в семь вечера в ресторане «Астория». Вы будете?

— Буду, — сказала она.

Он кивнул, развернулся и вышел, не попрощавшись. Дверь закрылась за ним, и в мастерской снова воцарилась тишина, прерываемая только тиканьем часов. Агата стояла неподвижно, глядя на закрытую дверь, и чувствовала, как пуговица в кармане пульсирует в такт её сердцу.

Она достала её, положила на стол, рядом со скальпелем, и долго смотрела на руну «Ансуз». Она знала, что этот заказ — не просто работа. За этим стояло что-то большее, что-то личное, хотя она ещё не могла понять что. Запах заказчика — тот самый, который она не могла вспомнить, — теперь смешался с запахом пуговицы, и они звучали в унисон, как две ноты, составляющие аккорд.

Агата подошла к треснутому зеркалу, которое висело у входа, и посмотрела на своё отражение. В осколках она увидела не только себя, но и волка, сидящего за её спиной. Волк смотрел на неё стеклянными глазами, и в этом взгляде не было укора, но было что-то, что она не могла объяснить — предчувствие, которое сжималось в груди холодным комком.

— Завтра, — прошептала она своему отражению. — Завтра всё станет ясно.

Она выключила свет, и мастерская погрузилась в темноту. Только стеклянные глаза чучел продолжали светиться в темноте, отражая уличный свет из зарешечённого окна. Агата вышла, заперла дверь и пошла домой, чувствуя на плечах тяжесть невидимого груза — груза, который она выбрала сама, когда сказала «да» незнакомцу с пустыми глазами.

Она не знала, что этот груз приведёт её к зеркальному лабиринту, к патологоанатому со шрамом на шее и к правде, которую она хотела забыть. Но она знала одно: она таксидермистка. Она умеет консервировать живое, чтобы оно не умирало окончательно. И она сделает это с любой сущностью, которая встанет на её пути.

Даже если эта сущность — её собственное прошлое.

Глава 2. Руна под языком

Ночь она почти не спала.

Это было не в новинку — бессонница поселилась в её жизни вместе с даром, вернувшимся восемь месяцев назад. Тогда, после пяти лет слепоты, мир снова наполнился золотистыми нитями Швов, и Агата поняла, что покой был всего лишь иллюзией, которую она себе позволила. Теперь каждую ночь, стоило ей закрыть глаза, она видела их — тонкие паутинные линии, переплетающиеся над кроватью, над окном, над её собственным телом. Они пульсировали, как жилы, и в этой пульсации было что-то гипнотическое, не дающее уснуть. Она лежала в темноте, смотрела в потолок и считала дыхание, пытаясь отогнать мысли о человеке в дорогом костюме, о пуговице с руной Ансуз и о том, что всё это, несомненно, связано.

Сны не приходили. Вместо них приходили обрывки памяти — запах гари, крик, который она так и не смогла заглушить, и лицо дочери, Зои, с широко открытыми глазами. Агата не плакала. Она давно разучилась плакать; слёзы высохли в первые месяцы после пожара, оставив лишь сухую пустоту внутри, которую она заполняла работой. Но сегодня эта пустота зудела, как заноза под кожей, напоминая, что прошлое никуда не ушло — оно просто затаилось, ожидая своего часа.

К утру она встала, сварила крепкий кофе в старой турке, которую, привезла из командировки из Стамбула много лет назад, и села за кухонный стол, глядя в окно на серое осеннее небо. Её квартира на пятом этаже хрущёвки была маленькой и почти пустой — минимум мебели, максимум порядка. На стенах висели только две вещи: фотография волка, которого она закончила вчера, и маленькое чучело воробья, подаренное старым таксидермистом. Воробей смотрел на неё стеклянным глазом, и Агата чувствовала, как его взгляд успокаивает, напоминая, что даже в смерти есть красота, есть завершённость.

Она достала из кармана пальто пуговицу и положила её на стол перед собой. При дневном свете она выглядела иначе — менее зловещей, более обычной, если не считать выгравированной руны. Латунь потускнела от времени, но гравировка была чёткой, глубокой, сделанной рукой мастера, который знал своё дело. Агата взяла лупу из ящика стола и принялась изучать пуговицу в мельчайших деталях.

Руна Ансуз, четвёртая в старшем футарке, символизировала слово, дыхание, коммуникацию. В обычной магии её использовали для усиления речи, призыва правды, установления контакта. Но здесь она работала иначе — Агата чувствовала это. Руна была перевернута, её вертикальная ось была чуть смещена, и этот наклон превращал символ в его противоположность. Прямая Ансуз — истина. Перевернутая Ансуз — ложь, скрытая под маской правды. Кто-то знал, что делает. Кто-то использовал руны не как случайные украшения, а как инструмент, как якорь для сущности, которая питалась именно этой двойственностью — виной, превращённой в самооправдание, правдой, скрытой за слоем лжи.

Она отложила лупу и потянулась за блокнотом, где вела записи по всем делам, которые попадали к ней через Соколова. Там было два предыдущих случая с пуговицами — убийство бухгалтера в спальном районе и смерть пенсионерки в центре. В обоих случаях пуговицы были с другими рунами — в первом деле руна Тейваз (мужество, правосудие), во втором — руна Лагуз (поток, интуиция). Но только в третьем деле, с бизнесменом, руна была перевернутой Ансуз. Это означало, что сущность эволюционировала или меняла тактику. Или же кто-то направлял её, давая новые задачи.

Агата закрыла блокнот и посмотрела на часы. Было одиннадцать утра. До встречи в «Астории» оставалось восемь часов, и она не собиралась сидеть, сложа руки. Она надела джинсы, свитер, накинула пальто и вышла из дома, захватив с собой пуговицу и скальпель в кармане.

Первый пункт её маршрута был на улице Дзержинского, в старой антикварной лавке, которую держал Ефим Маркович — седой еврей с водянистыми глазами и памятью, хранящей все тайны города. Он знал больше, чем любой архив, и Агата иногда обращалась к нему за консультациями по артефактам. Она зашла в лавку, заставленную комодами, шкафами, подсвечниками и фарфоровыми статуэтками, и нашла Ефима за прилавком, где он чинил старые часы.

— Агата, солнышко, — поприветствовал он, откладывая отвёртку. — Давно не была. Снова какие-то странности?

— Здравствуйте, Ефим Маркович. — Она положила на прилавок пуговицу в полиэтиленовом пакете. — Посмотрите. Что вы можете сказать о ней?

Ефим надел очки с толстыми стёклами, взял пакет, повертел его в руках, потом достал пуговицу и поднёс к настольной лампе. Он долго молчал, разглядывая руну, потом перевернул пуговицу, осмотрел обратную сторону, понюхал и наконец, произнёс:

— Старая. Очень старая. Не из наших мест. Скорее всего, немецкая работа, начало двадцатого века, может быть, даже конец девятнадцатого. Латунь хорошая, ручная работа. Но главное не это.

— Что главное? — спросила Агата.

— Гравировка свежая. — Он постучал пальцем по руне. — Пуговица старая, а руна нанесена лет пять назад, не больше. Мастер, который это делал, знал руны, но не был рунологом в классическом смысле. Посмотри, линия здесь прерывается, чуть неровная. Он не резал металл, он его царапал. Как будто торопился. Или делал это без специальных инструментов, подручными средствами.

Агата кивнула. Это было важным подтверждением её догадки — сущность или её носитель не были древними магами; они были любителями, которые использовали старые артефакты для своих целей. Это делало их одновременно и менее опасными, и более непредсказуемыми — любители не знают правил, поэтому могут нарушить их самым неожиданным образом.

— Где могут делать такие пуговицы? — спросила она.

— В городе — только у Петровича на Сенной, он единственный, кто ещё работает с латунью вручную. Но это не его работа. — Ефим покачал головой. — У Петровича линии ровные, он перфекционист. А здесь — спешка, нерв. Кто-то делал это у себя в мастерской, или в подвале, или в гараже. Это не профессионал.

— Спасибо, Ефим Маркович.

— Будь осторожна, Агата. — Он вернул ей пуговицу и посмотрел поверх очков. — Такие вещи не появляются просто так. За ними всегда стоит история. И часто — плохая.

Она вышла из лавки и направилась к следующей точке — Соколову в управление. Она хотела посмотреть на отчёты по предыдущим делам, которые не попали в её блокнот. Капитан встретил её в коридоре, выглядел уставшим и небритым.

— Опять ты, — буркнул он, но без злобы. — Что ещё?

— Мне нужны детали по первому делу с пуговицей. Бухгалтер на Ленинском.

— Зачем тебе? Я же дал тебе все материалы.

— Не все. Там было что-то про свидетеля, который видел подозрительного человека у подъезда. Я хочу поговорить с ним.

Соколов нахмурился, но спорить не стал. Он провёл её в свой кабинет, где на столе громоздились горы папок, и начал рыться в одном из шкафов. Через пять минут он протянул ей тонкую папку с протоколом допроса.

— Свидетель — женщина, пенсионерка, живёт этажом выше. Она видела мужчину в тёмной одежде, который стоял у подъезда за час до убийства. Описать его не смогла — было темно, он стоял спиной. Но запомнила, что у него на куртке блестела пуговица. Наверное, та самая.

— Адрес есть?

— Есть, но она уже переехала к дочери за город. Вряд ли она вспомнит что-то новое.

— Дай адрес. И телефон, если есть.

Соколов записал адрес на стикере и протянул ей, вздохнув.

— Ты влезаешь в это слишком глубоко, Агата. Я понимаю, твой дар и всё такое, но это дело для полиции, а не для таксидермистки.

— Это дело для того, кто видит то, чего не видят другие, — ответила она, забирая стикер.
— И я его вижу.

Она вышла из управления и набрала номер пенсионерки. Та ответила на третьем гудке, голос был старческим, но бодрым. Агата представилась, сказала, что занимается частным расследованием, и спросила, может ли она приехать. Женщина согласилась, и через час Агата была в пригороде, в маленьком дачном посёлке, где пахло сухой травой и дымом печей.

Пенсионерка — Екатерина Петровна — оказалась высокой худой старухой с живыми глазами и цепким умом. Она усадила Агату за стол, налила чаю и начала рассказывать, водя руками так, будто рисовала картину.

— Я тогда возвращалась из магазина, часов в десять вечера. И вижу — стоит мужчина у подъезда. Ну, я подумала, может, к кому-то из соседей пришёл, не придавала значения. Но он стоял неестественно, знаете? Как будто ждал не человека, а сигнала. И потом, когда я уже поднималась на свой этаж, услышала странный звук — не выстрел, нет, что-то более тихое, хлопок. Я выглянула в окно, но он уже уходил. Быстро так, деловито. И у него на спине пуговица блестела — большая, светлая. Я запомнила, потому что у нас такие не носят.

— Вы не видели его лица?

— Нет. Он был в капюшоне. Но походку запомнила — он шёл уверенно, как будто знал, куда идёт. Не прятался, не оглядывался. Как хозяин жизни.

Агата поблагодарила её, записала детали и поехала обратно в город. В голове складывалась картинка — убийца, действующий без страха, уверенный в своей правоте. Это не было похоже на обычного маньяка. Это был человек, который считал свои действия оправданными, почти святыми. И сущность, сидящая в нём, подпитывала эту уверенность, делая её абсолютной.

К шести вечера она вернулась в мастерскую, переделалась — чёрное платье, строгое, без украшений, и пальто. Надела туфли на низком каблучке, потому что не любила высокие. Пуговица, завёрнутая в носовой платок, лежала во внутреннем кармане, скальпель — в боковом. Она не знала, зачем взяла скальпель на встречу в ресторане, но интуиция подсказывала, что он может понадобиться.

«Астория» встретила её хрустальными люстрами, накрахмаленными скатертями и запахом дорогих духов и свежей выпечки. Это был один из тех старых ресторанов, где время остановилось в начале двадцатого века, и каждый стул помнил тайные разговоры и сделки, о которых молчат архивы. Агата вошла, оглядела зал и увидела своего заказчика за дальним столиком у окна. Он сидел в том же сером костюме, перед ним стояла чашка кофе и пустая тарелка. Он встал, когда она подошла, и жестом предложил сесть.

— Вы пунктуальны, Агата, — сказал он, садясь обратно.

— Я не люблю ждать, — ответила она, усаживаясь напротив. — Давайте сразу к делу. Кто вы на самом деле и что за сущность вы ищете?

Он отпил кофе, помедлил, будто собираясь с мыслями, и начал говорить. Его голос был ровным, без эмоций, но Агата чувствовала, что за этим спокойствием скрывается старая, выжженная боль.

— Меня действительно зовут Александр Игоревич, и я действительно коллекционер. Но я коллекционирую не события, как сказал вам в прошлый раз. Я коллекционирую артефакты, связанные с сущностями, которые проникают в наш мир. Я знаю о Швах уже двадцать лет,

Агата. Я видел их раньше, чем вы родились, и я знаю, что они несут. Я хочу найти сущность, которая сейчас действует в городе, потому что она... связана со мной. Лично.

Агата нахмурилась.

— Связана — как?

Он посмотрел ей прямо в глаза, и на секунду в его взгляде мелькнуло что-то, что она приняла бы за боль, если бы была склонна к сантиментам.

— Десять лет назад я был её носителем, — сказал он тихо. — Я не знал этого тогда, не понимал, что происходит. Я был успешным человеком, у меня была семья, жена. И однажды я проснулся и понял, что сделал нечто ужасное. Я убил свою жену.

Агата замерла. Она ждала чего угодно, но не этого.

— Я не помню момента убийства, — продолжал он, — помню только, как вышел из дома и стоял на улице, глядя на свои руки. Сущность покинула меня в тот миг, когда я оправдал себя. Я решил, что это не моя вина, что я был одержим. И она ушла. Я перестал быть для неё интересен. Но она оставила след — пуговицу под языком моей жены. Я потом узнал об этом от следователей. И я понял, что она всегда будет возвращаться, в ком-то другом, в ком-то более слабым, кто не сможет с ней справиться.

— И теперь вы хотите вернуть её? — спросила Агата, чувствуя, как пуговица в кармане начинает нагреваться.

— Да, — сказал он без колебаний. — Не чтобы убивать снова, а чтобы уничтожить её раз и навсегда. Я знаю её природу, её слабости. Я знаю, что она питается чувством вины, что она выбирает тех, кто когда-то совершил подлость, но не был наказан. И я знаю, где её можно перехватить. Но мне нужен человек, который умеет работать с сущностями, не уничтожая носителя. Это вы, Агата. Только вы.

Она слушала, и в её голове складывалась головоломка. Что-то в его словах не совпадало с тем, что она чувствовала. Запах, который шёл от него — тот самый, который она уловила в первый раз. Он был слабее, чем на пуговице, и в нём не было той древней, тягучей горечи, которую она ассоциировала с Зеркальщиком. Но она не стала перебивать. Она задала единственный вопрос, который казался ей важным:

— Если вы знаете её природу, почему не можете справиться сами? Почему ищете меня?

Он замаялся. Всего на секунду, но Агата заметила.

— Потому что она меня запомнила, — ответил он. — Если я подойду к ней, она узнает меня и либо уничтожит, либо сделает носителем снова. Я не хочу рисковать. А вы для неё — пустое место. Вы можете подойти незаметно.

Агата кивнула, но в груди зашевелилось холодное подозрение. Он лгал. Не напрямую, но умалчивал что-то важное. Она решила не давить, но запомнила этот момент.

— Я согласна помочь, — сказала она. — Но я буду работать по-своему. И если я увижу, что вы мне лжёте, я уйду, и вы меня больше никогда не найдёте.

— Хорошо, — согласился он и протянул ей конверт. — Здесь аванс и адрес, где, по моим данным, находится носитель. Я буду ждать ваших новостей.

Она взяла конверт, встала и вышла из ресторана, не оглядываясь. Уже на улице она почувствовала, как пуговица в кармане пульсирует сильнее, а впереди, за углом, на мгновение мелькнул Шов — золотистая нить, которая дрожала, будто её кто-то трогал. Агата остановилась, прислушалась к запахам — озон, пыль, и тот же запах старого зеркала, который она уловила в море. Сущность была рядом. Или, что страшнее, она следила за ними, за этой встречей, за каждым словом Александра Игоревича.

Она пошла быстрее, в сторону мастерской, чувствуя, как вечерний город сгущается вокруг неё, и каждый Шов, каждый переулок, каждый стеклянный глаз в витрине магазина смотрит на неё с одинаковым вниманием.

Она знала: игра началась. И она ещё не знала, кто в ней игрок, а кто — пешка. Но одно она поняла точно: Александр Игоревич был не тем, за кого себя выдаёт. И правда, которую он скрывал, могла стоить ей не только работы, но и жизни.

Вернувшись в мастерскую, она заперла дверь, села за стол и открыла конверт. Внутри лежали деньги и тонкий лист бумаги с адресом — ночной клуб в центре, негласное место встречи тех, кто искал тьму на дне своих душ. Агата нахмурилась. Ночной клуб — это не место для сущности, питающейся чувством вины. Но она знала, что в таких местах всегда есть те, кто носит в себе груз прошлого, и для Зеркальщика это идеальная охота.

Она отложила листок, взяла пуговицу и положила её на стол. Волк смотрел на неё из угла, и в его стеклянных глазах отражался свет лампы.

— Завтра, — сказала она волку. — Завтра я найду тебя.

И в этот момент в зеркале, висящем у двери, на секунду мелькнула тень, не принадлежащая ей. Тень человека в костюме.

Агата обернулась, но за её спиной никого не было. Только чучела смотрели на неё немигающими глазами, и в тишине мастерской тикали старые часы, отсчитывая время до первой встречи с Зеркальщиком.

Глава 3. Человек в костюме

Она проснулась от того, что кто-то дышал ей в затылок.

Это было не физическое дыхание — она не чувствовала тепла на коже, но всем нутром ощущала чужое присутствие, как ощущают взгляд, когда на тебя смотрят из темноты. Агата резко села на кровати, сжимая в руке скальпель, который всегда клала под подушку с тех пор, как дар вернулся к ней. Комната была пуста. Серая предрассветная мгла заливала пространство, делая очертания мебели размытыми, почти призрачными. Часы на тумбочке показывали 5:47. Она не помнила, когда заснула — кажется, около двух, после того как перечитала адрес из конверта раз десять и попыталась успокоить пульсирующую в висках тревогу.

Но дыхание было реальным. Она знала это. Её дар, хоть и не давал ей видеть Швы в полной темноте, позволял чувствовать присутствие сущностей на расстоянии. И сейчас кто-то стоял в углу её спальни, за шторой, у старого платяного шкафа, который она привезла с собой из мастерской. Агата не включила свет. Вместо этого она медленно повернула голову в сторону угла и прищурилась, пытаясь разглядеть очертания в сером полумраке.

Ничего. Только шкаф, только старая вешалка, на которой висело пальто. Но запах — тот самый, запах старого зеркала и пыльных архивов, — витал в воздухе, смешиваясь с утренней прохладой. Сущность была здесь. Или была только что.

Агата встала, босая, ступая по холодному линолеуму, и подошла к окну. Занавеска чуть колыхалась — хотя форточка была закрыта. Она отодвинула ткань и выглянула на улицу. Двор был пуст, только дворник с метлой стоял у мусорных баков, глядя куда-то вверх. Агата проследила за его взглядом и увидела на крыше соседнего дома силуэт — высокий, худой, неподвижный, как статуя. Он смотрел в её окно. Она не могла разглядеть лица, но знала, что это был не человек. Слишком правильные пропорции, слишком идеальная неподвижность.

Она моргнула — и силуэт исчез. Дворник пожал плечами и вернулся к работе. Агата закрыла занавеску, отошла от окна и глубоко вздохнула. Зеркальщик знал, где она живёт. Или то, что она приняла за Зеркальщика, было лишь частью сущности, её тенью, её отражением, которое она оставила на пуговице. Это усложняло всё. Она думала, что охотится, а оказывалось, что её саму выслеживают.

Она заварила кофе, села за кухонный стол и разложила перед собой содержимое конверта. Кроме денег и адреса, там оказался ещё один листок — тонкий, почти прозрачный, с текстом, написанным от руки. "В клубе "Тёмная вода" есть человек, который знает о Зеркальщике больше, чем кто-либо. Он работает там барменом. Спроси его о пуговицах. Но будь осторожна — он не любит говорить о прошлом" Буквы были аккуратными, каллиграфическими, словно писал их человек, привыкший к перьевым ручкам и дорогой бумаге. Агата поднесла листок к носу — тот же запах дорогого табака, что и от Александра Игоревича. Он писал это сам. Или кто-то по его просьбе.

Она допила кофе, приняла холодный душ, переделалась в удобные джинсы, тёмную водолазку и лёгкую кожаную куртку, которая не сковывала движений. В карманы она положила скальпель, пуговицу, маленький блокнот и ручку. На пояс повесила фонарик — узкий, с мощным лучом, который мог освещать даже самые тёмные подвалы. Она вышла из дома в 8 утра, когда город только просыпался, и направилась в центр, на улицу, где располагался клуб "Тёмная вода".

Клуб оказался не тем, что она ожидала. Она представляла себе неоновые вывески, толпу у входа, музыку, гремящую через закрытые двери. Вместо этого она увидела обычное здание с чёрным фасадом, без единой вывески, с массивной деревянной дверью, на которой висела табличка "Закрыто. Частное мероприятие". Рядом с дверью висела камера, которая, судя по крас-

ному огоньку, работала. Агата подошла, постучала костяшками пальцев и подождала. Никакого ответа. Тогда она нажала на стальную кнопку звонка, утопленную в стену.

Через минуту дверь приоткрылась, и в щели показалось лицо — мужское, с тяжёлой челюстью и маленькими, колючими глазами. Он был одет в чёрную футболку и выглядел так, будто не спал последние сутки.

— Мы закрыты, — сказал он голосом, не терпящим возражений.

— Я не развлекаться, — ответила Агата спокойно. — Я ищу бармена. Мне сказали, что он знает о пуговицах.

Лицо охранника изменилось — всего на секунду, но Агата заметила, как его глаза сузились, а челюсть чуть напряглась. Он оглянулся за спину, что-то прикидывая, потом отступил на шаг и открыл дверь шире.

— Проходи. Но если ты от него ничего не услышишь, ты уйдёшь, и мы сделаем вид, что тебя здесь не было. Ясно?

— Ясно, — ответила Агата и перешагнула порог.

Внутри клуб оказался гораздо больше, чем выглядел снаружи. Длинный коридор с чёрными стенами вёл в просторное помещение с высокими потолками, где стояли круглые столики и мягкие кресла из тёмной кожи. Сцена в дальнем конце была пуста, но на ней всё ещё стоял микрофон и стойка для гитары. Освещение было приглушённым, красноватым, и в этом свете всё казалось призрачным, нереальным. Запах старого дерева, табака и — Агата уловила это мгновенно — того самого запаха старого зеркала, который преследовал её со вчерашнего дня.

За барной стойкой, тянущейся вдоль всей стены, стоял мужчина лет сорока. Он был высок, худощав, с длинными пальцами, которые протирали бокалы с той же тщательностью, с какой Агата вправляла глаза чучелам. На нём была простая белая рубашка, закатанная до локтей, и чёрный жилет. Его лицо было бледным, с сеткой мелких морщин у глаз, и он улыбнулся, когда Агата подошла к стойке.

— Ранний гость, — сказал он. Голос был низким, с хрипотцой, как у заядлого курильщика. — Что будете пить в такой час?

— Мне не нужен алкоголь, — ответила Агата, садясь на высокий барный стул. — Мне нужна информация. Вы знаете, что такое руны на старых пуговицах?

Бармен замер на секунду, потом продолжил протирать бокал, но его движения стали чуть более медленными, более осторожными.

— Станный вопрос для одиннадцати утра, — сказал он.

— Не такой странный, как убийства, которые сопровождают эти пуговицы, — ответила Агата прямо. — Я знаю, что вы знаете. Мне сказал Александр Игоревич.

Услышав это имя, бармен поставил бокал на стойку и посмотрел на неё с совершенно другим выражением — не удивлённым, не испуганным, а каким-то тоскливым, как у человека, которого попросили вспомнить старую, очень болезненную рану.

— Значит, он всё-таки нашёл кого-то, — сказал бармен тихо. — Я думал, он уже не ищет. Прошло десять лет, и я думал, он сдался. Но он всегда был упрямым.

— Расскажите мне, что вы знаете о сущности, — сказала Агата. — И о нём. О том, что произошло десять лет назад.

Бармен оглянулся на пустой зал, как будто проверяя, не слушает ли кто-то их разговор, потом налил себе стакан воды, сделал глоток и начал говорить:

— Я знаю его уже двадцать лет, с тех пор как мы вместе работали в одной конторе, которая занималась... ну, вы знаете, вещами, о которых не говорят вслух. Швы, сущности, всё это. Он был хорошим специалистом, умным, хладнокровным. А потом он нашёл Зеркальщика. Не специально, случайно, во время одной из экспедиций. Сущность привязалась к нему, как пиявка, и он даже не заметил, пока не стало поздно.

— Что она с ним сделала? — спросила Агата, хотя уже догадывалась об ответе.

— Она заставила его убить жену, — сказал бармен, и его голос дрогнул. — Я знаю, потому что я был на их свадьбе. Они были счастливы, по-настоящему, до того как он начал видеть Швы. Сущность питалась его виной — он всегда был слишком требователен к себе, считал, что недостойн счастья. И она использовала это. Она вывернула его наизнанку, заставила его делать то, что он ненавидел, а потом покинула его, когда он перестал чувствовать вину. Он оправдал себя — сказал, что сущность заставила, что он не виноват. И она ушла. Искать более слабую жертву.

— А теперь он хочет её уничтожить, — сказала Агата.

Бармен усмехнулся — горько, с привкусом того самого старого табака.

— Он хочет вернуть её, — сказал он. — Я не знаю зачем, но я знаю, что он никогда не хотел её уничтожать. Он хотел контролировать её. Использовать её силу для себя. Он всегда был одержим бессмертием, а Зеркальщик даёт носителю невероятную живучесть. Её невозможно убить, потому что она не умирает — она просто переходит в другое тело. Если он станет её хозяином, а не носителем, он сможет жить вечно.

Агата почувствовала, как внутри неё закипает холодная ярость. Александр Игоревич солгал ей. Сказал, что хочет уничтожить сущность, а на самом деле хотел вернуть её, чтобы стать бессмертным. Её пальцы сжались на стойке, но она взяла себя в руки и спросила:

— Вы знаете, кто сейчас является носителем?

Бармен покачал головой.

— Нет. Но я знаю, где можно найти след. В подвале этого здания есть комната, где мы храним старые вещи, связанные с делами. Там есть зеркало — старинное, венецианское, которое он притащил с собой десять лет назад. Говорят, в нём можно увидеть отражение Зеркальщика, если знать, как смотреть. Я могу показать вам, но не сейчас. Вечером, когда клуб откроется, в подвале будет слишком много людей. Приходите завтра утром, в шесть. Я вас проведу.

Агата кивнула, поблагодарила и вышла из клуба, чувствуя на себе взгляд бармена, провожающий её до двери. Она не обернулась, но на улице остановилась на секунду, прислушиваясь к своим ощущениям. Город дышал утренней прохладой, пахло выхлопными газами, мокрым асфальтом и хлебом из соседней пекарни. Никаких Швов. Никаких запахов сущностей. Но в груди засела тревога, которая не отпускала с того момента, как она проснулась от чужого дыхания.

Она поехала в мастерскую, чтобы проверить свои записи и подготовиться к завтрашнему визиту. По дороге она позвонила Соколову, но капитан не ответил. Она оставила короткое сообщение: "Ищу связь между первым и вторым убийством. Есть новые данные по пуговицам. перезвони"

В мастерской её ждал сюрприз. На пороге, под дверью, лежал конверт. Белый, плотный, без марок и обратного адреса. Только её имя, написанное тем же каллиграфическим почерком, что и на листке из конверта Александра Игоревича. Она подняла его, открыла и достала оттуда фотографию. На ней был изображён мужчина — лет тридцати, бледный, с тёмными волосами и глазами, которые смотрели прямо в объектив с пугающей ясностью. Он стоял у входа в морг, держа в руках папку с документами, и улыбался — спокойно, почти свято. Сзади на фотографии, от руки, было написано: "Новый носитель. Встреть его. Узнай его. Он не такой, как другие"

Агата перевернула фотографию. На обороте был адрес — тот же морг на Октябрьской, кабинет номер 14. И подпись: "Спроси его о вине. Он знает, что такое вина. Он носит её с гордостью"

Она положила фотографию на стол и долго смотрела на неё, пытаясь понять, кто и зачем прислал это. Если Александр Игоревич хотел найти носителя, зачем ему присылать эту информацию анонимно? Или это была не его рука? Может быть, сам носитель хотел встречи? Или кто-то из "Чистильщиков" пытался направить её по правильному пути, не раскрывая себя?

Она решила не ждать завтрашнего утра. Взяла фотографию, скальпель, пуговицу и поехала в морг.

Морг на Октябрьской выглядел одинаково в любое время года и в любое время дня — серым, холодным, пахнущим смертью. Агата вошла через главный вход, предъявила удостоверение криминалиста (старое, но ещё действительное) и прошла в корпус, где располагались рабочие кабинеты. Кабинет номер 14 находился в конце длинного коридора, за дверью с матовым стеклом, на котором было выведено: "Северин Борисович Тихомиров, патологоанатом".

Она постучала. Через несколько секунд дверь открылась, и на пороге стоял тот самый человек с фотографии — бледный, с тёмными волосами и ясными, почти прозрачными глазами. Он был одет в белый халат, поверх которого была накинута тёмная кофта. На его шее, под воротником рубашки, виднелся тонкий шрам — старый, почти незаметный, но Агата заметила его сразу. Он смотрел на неё без удивления, как будто ждал её визита.

— Агата Воронцова, — сказал он, и голос его был мягким, текучим, как вода. — Я знал, что вы придёте. Заходите.

Она вошла в кабинет, и дверь за ней тихо закрылась. Внутри было светло, чисто и уютно — на столе стоял цветок в горшке, лежали стопки документов, аккуратно разложенных по папкам. Стены были украшены анатомическими рисунками, старыми, в деревянных рамках. В углу висело зеркало — небольшое, в тяжёлой бронзовой оправе, которое отражало комнату странно, с лёгким искажением, как будто стекло было чуть вогнутым.

— Вы знаете, зачем я пришла? — спросила Агата, садясь на стул напротив его стола.

— Догадываюсь, — ответил Северин, садясь на своё место и складывая руки перед собой. — Вы ищете Зеркальщика. И вы считаете, что я — его носитель.

Она не стала отрицать. Она смотрела на него, изучая его лицо, его жесты, его запах. Запах был... другим. Не тем, что шёл от пуговицы или от заказчика. Он был чистым, почти стерильным, с лёгкой ноткой тех же анатомических препаратов, которые она использовала в работе. Но под ним, глубоко, угадывался тот самый запах старого зеркала — слабый, почти неразличимый, но присутствующий.

— Вы не похожи на убийцу, — сказала она тихо.

— Убийцы редко бывают похожими на себя, — ответил он, и в его голосе послышалась лёгкая насмешка. — Но вы правы, я не убиваю из ненависти или злобы. Я делаю это из милосердия.

Агата замерла.

— Что значит "из милосердия"? — спросила она.

Северин встал, подошёл к маленькому шкафчику и достал оттуда две чашки и чайник. Он налил зелёный чай, поставил одну чашку перед Агатой, другую взял себе и сел обратно.

— Я был патологоанатомом уже восемь лет, — начал он, глядя в чашку, как будто читал по ней свою историю. — Я видел тысячи смертей. И с каждым годом я понимал, что многие люди уходят с тяжестью на душе. Они совершали ошибки, подлости, предательства, и не успели искупить их, не успели попросить прощения. Они умирали с виной, которая грызла их изнутри. А Зеркальщик... он пришёл ко мне три года назад, когда я навестил свою мать в больнице. Она умирала от рака. И я понял, что я тоже виноват — я слишком мало времени проводил с ней, я отдал свою жизнь работе, а не ей. И в тот момент, когда она умерла, я почувствовал, как в меня входит что-то тёплое, что-то, что обещает забрать эту вину и превратить её в силу.

— И вы стали убивать, — сказала Агата, сжимая чашку пальцами.

— Я стал забирать вину, — поправил он. — Я нахожу людей, которые чувствуют себя виноватыми, но не могут избавиться от этого чувства. И я предлагаю им сделку. Я забираю их вину на себя, я делаю её своей, а они уходят свободными. Физически это выглядит как убийство, и я не отрицаю, что беру на себя эту тяжесть. Но я не убиваю невиновных. Я убиваю тех, кто уже мёртв внутри. Я просто дарю им покой.

Агата поставила чашку на стол и посмотрела ему прямо в глаза.

— Вы говорите это так, будто это нормально. Будто вы имеете право выбирать, кому жить, а кому умирать.

— Я имею право, потому что меня выбрала сущность, — ответил он спокойно. — И я не пытаюсь от неё избавиться. Я пытаюсь использовать её для блага. Да, я совершаю зло. Но я делаю это ради добра. Разве это не то же самое, что вы делаете со своими чучелами? Вы забираете жизнь, чтобы сохранить её в другой форме. Я делаю то же самое — я забираю вину, чтобы сохранить душу.

Агата почувствовала, как внутри неё закипает что-то, что она не испытывала давно — гнев. Но это был не слепой гнев, а холодный, расчётливый, который помогал ей думать ясно. Она поняла, что Северин не лгал. Он действительно верил в то, что говорил. И его вера делала его опаснее любого маньяка, потому что он не чувствовал ни малейших угрызений совести.

— Я не даю вам права судить других, — сказала она. — Но я даю вам шанс. Я могу помочь вам избавиться от Зеркальщика без боли. Я могу "препарировать" его, найти его слабости и разорвать связь, не убивая вас. Вы согласны на это?

Северин улыбнулся — той же спокойной, почти святой улыбкой, что была на фотографии.

— А если я скажу "нет"? — спросил он.

— Тогда я сделаю это по-своему, — ответила Агата. — И вы можете пострадать.

Он засмеялся — тихо, без злобы, как будто она рассказала ему забавный анекдот.

— Агата, — сказал он, — вы не представляете, насколько я рад, что вы пришли. Я хочу вам кое-что показать. — Он встал, подошёл к зеркалу в бронзовой оправе и повернул его так, чтобы она могла видеть своё отражение. — Посмотрите в это зеркало. Что вы видите?

Агата подошла и посмотрела. В отражении она увидела себя — усталую, с резкими тенями под глазами. Но что-то было не так. Её отражение смотрело на неё с выражением, которое она не могла понять — не злым, не сочувственным. А каким-то пустым, как у человека, который ждёт, когда она осознает нечто важное.

— Я вижу себя, — сказала она.

— А теперь посмотрите внимательнее, — сказал Северин. — На ваш шарф.

Она опустила глаза — на ней не было шарфа. Но в зеркале, на её отражении, был шарф. Тот самый, который она потеряла в пожаре пять лет назад — шерстяной, тёмно-красный, который ей подарила дочь на день рождения.

Агата отпрянула от зеркала, чувствуя, как сердце забилось быстрее.

— Что это? — спросила она.

— Это отражение прошлого, — ответил Северин. — Зеркальщик оставляет следы в зеркалах. Он живёт не только в людях, но и в отражениях. И иногда, если знать, как смотреть, можно увидеть то, что было или что могло бы быть. Я хочу показать вам кое-что ещё.

Он провёл пальцем по стеклу, и отражение Агаты исказилось, пошло рябью, а затем показало другую сцену — комнату, залитую огнём, фигуру человека, стоящего у окна, и маленькую девочку, которую он держит на руках. Агата узнала свою дочь. Она хотела крикнуть, но голос пропал. Картинка исчезла так же быстро, как появилась, и зеркало снова показало её собственное лицо — испуганное, бледное, с широко открытыми глазами.

— Вы знали? — прошептала она. — Вы знали, кто убил мою семью?

Северин наклонился к ней ближе и сказал шёпотом, который прозвучал в тишине кабинета как удар колокола:

— Я знаю всё, Агата. Я знаю, что это был не пожар. Я знаю, что это был ритуал, и что ваш бывший напарник Ян был в нём замешан. Я знаю его имя, его мотивы, его слабости. И я могу вам всё рассказать. Но только при одном условии.

— Каком? — спросила она, чувствуя, как внутри неё рушатся все стены, которые она выстраивала пять лет.

— Вы не будете пытаться меня остановить. — Он сказал это так же просто, как сказал бы "вы будете пить чай". — Я продолжу своё дело, а вы получите правду. Мы можем быть партнёрами. Вы ищете правду, я ищу спасение чужих душ. В этом нет противоречия.

Агата смотрела на него, и в её голове проносились мысли. Она могла согласиться, узнать правду о смерти своей семьи, о том, как Ян предал её. Но она знала, что если согласится, то станет такой же, как он — той, кто оправдывает зло ради высшей цели. А она не хотела становиться чудовищем. Она хотела остановить чудовищ.

— Нет, — сказала она твёрдо. — Я не стану вашим партнёром. Я найду правду сама. А вас я остановлю. Вы либо соглашаетесь на мою помощь и избавляетесь от Зеркальщика, либо я сделаю это без вашего согласия.

Северин вздохнул, с сожалением, как будто она подвела его.

— Жаль, — сказал он. — Я думал, мы сможем понять друг друга. Но, видимо, нет. Тогда я буду ждать вас в клубе завтра утром. Вы придёте на встречу с барменом, и мы поговорим ещё раз. А пока — прощайте.

Она вышла из кабинета, чувствуя, как ноги подкашиваются от напряжения. В коридоре она прислонилась к стене и перевела дыхание. Внутри неё всё кричало, всё требовало действия, но она знала, что сейчас самое важное — сохранить ясность. Она достала пуговицу из кармана и сжала её в ладони. Руна Ансуз нагрелась, но на этот раз не от сущности — от её собственного гнева, от боли, которая пять лет лежала под слоями работы и равнодушия.

Она вспомнила лицо дочери в зеркале, шарф, который она потеряла, и решила, что делает всё, чтобы узнать правду. Даже если для этого придётся идти по тонкому льду и балансировать между светом и тьмой.

Вернувшись в мастерскую, она села за стол, достала блокнот и записала всё, что узнала: бармен, венецианское зеркало, Северин, его сделка, отражение прошлого. Она посмотрела на волка, который смотрел на неё стеклянными глазами, и прошептала:

— Я не стану таким, как он. Я не позволю прошлому управлять мной. Я найду правду, но не ценой своей души.

Волк молчал. Но в его стеклянных глазах, в отражении настольной лампы, Агата увидела себя — ту, которая была до пожара, ту, которая верила в справедливость. И она решила, что не позволит этому огню погаснуть окончательно.

Она встала, подошла к треснутому зеркалу у входа, посмотрела в его осколки и произнесла громко, чётко, словно принося клятву:

— Завтра я приду в этот клуб. Я найду правду. И я остановлю Зеркальщика. Клянусь.

Зеркало ничего не ответило, но Агате показалось, что в одном из осколков, в самом дальнем, на секунду блеснула золотая нить Шва, а за ней — улыбка человека, который не боялся ни смерти, ни жизни. Человека, который был её главным врагом и одновременно ключом ко всему.

Глава 4. Запах гари

Ночь не принесла покоя.

Она лежала на узкой кровати в своей пустой квартире, глядя в потолок, и пыталась собрать разрозненные куски головоломки в единую картину. Перед глазами стояло лицо Северина — его спокойная, почти святая улыбка, его прозрачные глаза, в которых не было ни капли сомнения. Он верил в свою правоту так же абсолютно, как Агата верила в то, что чучела сохраняют душу животного. Но там, где её вера была направлена на сохранение и уважение к смерти, его вера требовала новых жертв.

Агата перевернулась на бок и посмотрела на часы — 3:47 утра. До встречи с барменом оставалось чуть больше двух часов. Она знала, что не уснёт, поэтому села, накинула халат и прошла на кухню, чтобы заварить крепкий чай. Горячий напиток обжёг горло, и она зажмурилась от резкого, терпкого вкуса, который напомнил ей о тех временах, когда она ещё не была таксидермисткой, когда мир был проще и понятнее. Но те времена ушли, оставив лишь воспоминания, которые теперь всплывали из зеркал и фотографий.

Она достала блокнот и принялась записывать всё, что узнала за последние два дня. Чётко, структурированно, как учили на криминалистике.

Факт 1: Зеркальщик — сущность, питающаяся чувством вины. Вселяется в людей, которые когда-то совершили подлость, но не были наказаны. Заставляет их убивать невиновных, чтобы вина носителя росла и питала сущность.

Факт 2: Александр Игоревич — бывший носитель Зеркальщика. Он убил свою жену десять лет назад. Сущность покинула его, когда он перестал чувствовать вину (оправдал себя). Теперь он хочет не уничтожить сущность, а вернуть её и контролировать, чтобы получить бессмертие. Он солгал ей.

Факт 3: Северин Тихомиров — текущий носитель Зеркальщика. Патологоанатом. Считает себя святым мучеником, который "забирает вину" других людей, убивая их. Он знает правду о пожаре, уничтожившем её семью, и предлагает сделку: информация в обмен на свободу действий.

Факт 4: В клубе "Тёмная вода" есть венецианское зеркало, в котором можно увидеть отражение Зеркальщика и, возможно, прошлое.

Она перечитала свои записи, и внутри неё закипала холодная ярость. Александр Игоревич использовал её, манипулировал её желанием помогать. Северин тоже использовал её — предлагал правду, которую она так отчаянно искала, в обмен на молчаливое согласие с его убийствами. Оба были её врагами. Оба были готовы пожертвовать ею ради своих целей. И только она, Агата Воронцова, стояла между ними и теми, кого они могли уничтожить.

Она выпила чай, собрала вещи: скальпель, фонарик, пуговицу в платке, блокнот, запасные перчатки. Она не знала, что её ждёт в подвале клуба, но предпочитала быть готовой ко всему. Надела чёрные джинсы, плотный свитер, лёгкую ветровку, которая не шуршала при движении. В карман положила маленькую лупу и зажигалку — на всякий случай. Иногда пламя помогало увидеть Швы там, где глаза отказывались их замечать.

К пяти часам утра она уже стояла у входа в клуб. Город ещё спал, лишь редкие такси проносились по мокрым от ночной росы улицам, да дворники гребли пожухлую листву, собирая её в чёрные мешки. Небо начинало светлеть на востоке, но фонари ещё горели, отбрасывая длинные тени на асфальт.

Дверь клуба была приоткрыта. Агата толкнула её и вошла внутрь.

В холле было темно, только тусклый красный свет дежурной лампы освещал барную стойку. За ней стоял бармен — тот самый худощавый мужчина с длинными пальцами, который

уже ждал её. Он был в той же белой рубашке, но без жилета, и выглядел более уставшим, чем вчера.

— Вы пришли, — сказал он без удивления. — Я думал, вы передумаете после разговора с ним.

— Вы знаете о моём разговоре с Севериным? — спросила Агата, приближаясь к стойке.

— Я знаю, что вы были у него в морге, — ответил бармен, протирая бокал уже привычным жестом. — Я знаю, что он показал вам зеркало. И я знаю, что вы не согласились на его сделку. Это делает вас либо очень смелой, либо очень глупой.

— И то, и другое, — сухо ответила Агата. — Где зеркало, о котором вы говорили?

Бармен поставил бокал на стойку и посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом. Потом кивнул и вышел из-за стойки, жестом приглашая следовать за собой. Он открыл дверь за сценой, и они оказались в узком коридоре с каменными стенами, который вёл вниз, в подвал. Воздух здесь был прохладным, с запахом сырости и старого бетона, и Агата чувствовала, как её дар начинает вибрировать, реагируя на что-то мощное, что скрывалось в глубине.

— Здесь мы храним старые вещи, — сказал бармен, идя впереди и освещая путь маленьким фонариком. — Всё, что связано с теми, кого мы называем "Чистильщиками", но не можем уничтожить. Артефакты, документы, фотографии. Иногда сущности оставляют свои следы в предметах, и мы не знаем, как от них избавиться. Так что мы просто прячем их.

— И венецианское зеркало — один из таких предметов?

— Не просто предмет. Это якорь. Самый сильный из тех, что я видел. — Бармен остановился перед массивной деревянной дверью, обитой ржавым железом. — Оно было у Александра Игоревича. Он притащил его после того, как сущность покинула его. Он хотел уничтожить его, но не смог. Зеркало слишком старое, слишком сильное. В нём живёт отражение Зеркальщика — не сама сущность, но её тень. И если знать, как смотреть, можно увидеть то, что было, и то, что будет.

Он отодвинул засовы, и дверь со скрипом открылась. Комната, которая открылась перед ними, была небольшой, квадратной, без окон. В центре стоял стол, покрытый белой тканью, а на столе — зеркало. Огромное, в тяжёлой бронзовой оправе, с потемневшим от времени стеклом, в котором отражались их фигуры в искажённом, странном виде. Агата подошла ближе и почувствовала, как пуговица в её кармане нагревается, пульсирует в такт её сердцу. Запах старого зеркала, тот самый, который преследовал её со вчерашнего дня, здесь был таким сильным, что у неё закружилась голова.

— Осторожно, — сказал бармен. — Не смотри в него слишком долго. Оно может показать то, что вы не готовы увидеть.

Агата кивнула, но не отступила. Она подошла к зеркалу вплотную и посмотрела в его тёмную глубину. Сначала она увидела только своё собственное лицо — бледное, с тенями под глазами, с седой прядью в волосах. Но потом, в глубине отражения, начало что-то происходить. Очертания её фигуры задрожали, расплылись, как если бы смотрела сквозь воду, а затем показалась другая сцена.

Она увидела комнату, которую никогда не видела раньше. Старый кабинет, с массивным письменным столом и книжными шкафами до потолка. На столе горела лампа с зелёным абажуром, и за ним сидел человек — мужчина лет сорока, с резкими чертами лица и короткой стрижкой. Он что-то писал, и на его лице было выражение сосредоточенности. Потом он поднял голову и посмотрел прямо на неё — сквозь зеркало, сквозь время и пространство, прямо в глаза. Агата узнала его. Это был Ян. Её бывший напарник. Тот самый, с которым она работала в криминалистике, который был рядом в самые тяжёлые дни, который знал о её даре и о её семье. Тот, кого Северин называл убийцей.

Ян встал из-за стола, подошёл к окну и раздвинул шторы. За окном был город — тот же город, но другой, не такой шумный, с более старыми машинами и более тёмными улицами.

Десять лет назад, поняла Агата. Ян стоял и смотрел на небо, и на его губах была лёгкая улыбка — не злая, не торжествующая, а задумчивая, почти мечтательная. Потом он повернулся, подошёл к книжному шкафу и достал с верхней полки книгу. Когда он открыл её, Агата увидела страницы, исписанные рунами — теми самыми рунами, которые были на пуговицах. Ян знал их. Он изучал их. Он использовал их.

Картинка исчезла, и зеркало снова показало её собственное лицо, но теперь оно было другим — испуганным, растерянным, с широко открытыми глазами. Она отступила на шаг, чувствуя, как сердце колотится в груди.

— Вы видели что-то? — спросил бармен, стоявший в дверях.

— Я видела человека, — ответила Агата. — Своего бывшего напарника. Он знал руны. Он использовал их.

— Значит, он был связан с Зеркальщиком. Или с кем-то, кто знал о нём.

— Или он сам был носителем, — прошептала Агата.

Бармен подошёл к ней и положил руку на плечо — невесомо, почти по-отцовски.

— Зеркало показывает не только прошлое, — сказал он. — Оно показывает правду, которую вы ищете. Если вы увидели Яна с рунами, значит, он действительно был в этом замешан. Вопрос в том, как именно. Он был лишь инструментом, или он был заказчиком?

Агата не знала ответа. Она чувствовала, как внутри неё разгорается пламя, которое она сдерживала пять лет — гнев, боль, чувство предательства. Ян был её другом, её коллегой, её опорой после смерти мужа и дочери. Он приходил к ней в больницу, приносил цветы, помогал ей с работой, когда она не могла встать с кровати. И он же, как, оказалось, был тем, кто организовал ритуал, который убил её семью. Зачем? Почему?

— Мне нужно больше информации, — сказала она, снова поворачиваясь к зеркалу. — Я должна увидеть, что произошло в ту ночь. Как это случилось.

— Я не советую вам смотреть глубже, — предупредил бармен. — Зеркало может показать вам не только правду, но и вашу боль. И она может сломать вас.

— Я уже сломана, — ответила Агата. — Я давно сломана, просто научилась скрывать это.

Она снова посмотрела в зеркало, сосредоточившись на том образе, который хотела увидеть. Ночь. Пламя. Её квартира на пятом этаже, где она жила с мужем и дочерью. Она видела, как кто-то поднимается по лестнице, как открывает дверь, как разливает что-то по полу — бензин, или масло, или что-то другое, пахнущее химией. Она не видела лица, но узнала походку. Широкие шаги, чуть раскачивающиеся плечи. Ян. Он был одет в тёмную куртку с капюшоном, и в его руке была книга в кожаном переплёте — та самая, которую она видела в его кабинете.

Ян открыл книгу, начал читать вслух. Слова были не на русском, не на английском — на каком-то древнем, шипящем языке, от которого у Агаты мурашки побежали по коже. И в тот момент, когда он произнёс последнее слово, в углу комнаты, где спала Зоя, зажегся огонь — не от спички, не от бензина, а из Шва, который разверзся прямо в воздухе. Из него вырвались фиолетовые языки пламени, они стремительно распространились по стенам, и в этом пламени Агата увидела лицо девочки, которая открыла глаза и закричала.

Агата хотела отвести взгляд, но не могла. Она смотрела на своё прошлое, застывшее в зеркале, и чувствовала, как слёзы начинают наворачиваться на глаза — слёзы, которые она не позволяла себе плакать все эти пять лет. Она видела, как она сама врывается в коридор, пытаясь добраться до комнаты, как Шов возникает под её ногами, и она падает, и её дар угасает. Она видела, как Ян стоит у окна и смотрит на пожар, и на его лице нет ни тени раскаяния — только холодное удовлетворение.

Картинка исчезла, и зеркало снова показало её собственное лицо, мокрое от слёз. Агата стояла, тяжело дыша, и чувствовала, как стены комнаты сжимаются вокруг неё.

— Вы видели, — сказал бармен тихо. — Теперь вы знаете правду.

— Я знаю, — прошептала она. — Но я не знаю, зачем он это сделал. Почему он убил мою семью? Что ему было нужно?

— Может быть, это был ритуал, чтобы воскресить кого-то, — предположил бармен. — Мы знаем, что Зеркальщика можно использовать для подобных вещей. Его сила не только в питании виной, но и в способности менять реальность. Если правильно провести ритуал, можно вернуть умершего. Но плата за это — жизнь другого человека. Ян, возможно, хотел воскресить кого-то.

— Или он хотел ослабить меня, — сказала Агата. — Если я потеряю свой дар, я стану беспомощной. Я не смогу видеть Швы, не смогу бороться с сущностями. Он мог это сделать, чтобы устранить конкурента.

— Возможно. — Бармен вздохнул. — Но теперь вы знаете правду. Что вы собираетесь делать дальше?

Агата вытерла слёзы, взяла себя в руки и повернулась к нему.

— Я собираюсь остановить всех. Я остановлю Зеркальщика, и я остановлю тех, кто использовал его для своих целей. Ян ответит за то, что сделал. Александр Игоревич — за свою ложь. А Северин — за свои убийства.

Бармен посмотрел на неё с уважением и сочувствием.

— Вы знаете, что это может стоить вам жизни?

— Я знаю, — ответила Агата. — Но я не могу жить дальше, зная, что они останутся безнаказанными. Я должна сделать это. Для себя. Для моей дочери. Для всех, кто пострадал от них.

Она вышла из подвала, поднялась по лестнице и оказалась на улице. Начинался рассвет, небо розовело на востоке, и первые лучи солнца освещали мокрый асфальт. Она села на скамейку напротив клуба, достала сигарету, закурила и задумалась.

Перед ней стоял сложный выбор. Она знала, что Северин ждёт её в клубе завтра утром для следующего разговора. Она знала, что Александр Игоревич будет требовать от неё результатов. Она знала, что Ян находится где-то в городе, возможно, продолжает свою деятельность, возможно, ищет новые способы использовать сущности. И она знала, что у неё есть только один способ победить всех — стать таксидермисткой, которая препарировает не только чучела, но и сущности, и души, и ложь.

Она докурила сигарету и пошла в мастерскую. Ей нужно было подготовиться. Осталось меньше суток до того, как она встретится с Севериным и сделает свой ход. Она не собиралась терять время.

В мастерской царил привычная тишина, нарушаемая только тиканьем старых часов и едва слышным гудением холодильника. Агата села за стол, открыла ящик и достала свои инструменты — скальпели, пинцеты, кисточки, баночки с воском и красками. Но сегодня она не собиралась заниматься чучелами. Она сняла с полки блокнот с рунами, который купила на блошином рынке, и принялась изучать его.

Руны были её ключом к победе. Если Зеркальщик использует их для привязки к носителям, значит, она может использовать их для разрыва этой привязки. Нужно было найти правильную комбинацию, правильный ритуал, который позволит ей "препарировать" сущность, не убивая носителя. Она перелистывала страницы, вглядываясь в символы, которые были для неё почти чужими, но уже начинали приобретать смысл.

Ансуз — правда и ложь. Тейваз — правосудие. Лагуз — поток и интуиция. Все эти руны были на пуговицах, которые она собрала с мест преступлений. Но самой важной была руна, которой ещё не было — руна, которая могла бы ослабить Зеркальщика, лишить его силы. Она искала её, перебирая страницы, и наконец, нашла. Руна Иса — лёд, остановка, заморозка. Она могла бы заморозить сущность, остановить её движение, лишить её способности питаться

виной. Но для этого нужно было найти правильный символ, правильное сочетание, и применить его через зеркало, которое было у бармена.

Она взяла листок бумаги и начала чертить схему. Если она сможет заманить Зеркальщика в венецианское зеркало и использовать там руну Иса, сущность застынет, как насекомое в янтаре. Тогда она сможет извлечь её из Северина, не причиняя ему вреда, и заключить в какой-нибудь предмет, который будет служить её тюрьмой. Например, в пуговицу. Или в кусок зеркала. Или в одну из своих статуэток.

Она работала до самого вечера, забывая о еде и сне. В голове прояснились детали, и она почувствовала, как план начинает обретать форму. Она знала, что это опасно. Она знала, что если ошибётся, сущность может уничтожить её, или сделать носителем, или разорвать её дар навсегда. Но она не могла остановиться.

К вечеру она позвонила Соколову.

— Мне нужна твоя помощь, — сказала она, когда он ответил.

— Снова? — спросил он устало.

— Я знаю, кто убил мою семью, — сказала она. — И я знаю, кто сейчас убивает людей в городе. Мне нужно, чтобы ты обеспечил мне доступ к одному месту.

— Куда?

— В морг на Октябрьской, — сказала она. — Мне нужно попасть туда завтра утром, когда там будет Северин Тихомиров.

Соколов помолчал, потом тяжело вздохнул.

— Ты ввязываешься в опасную игру, Агата.

— Я знаю. Но это моя игра. И я должна выиграть.

Он согласился помочь, и Агата почувствовала, как внутри неё появляется искра надежды. Она не одна. У неё есть союзники, даже если они не до конца понимают её методы.

Она легла спать рано, чтобы выспаться и набраться сил перед завтрашним днём. Но сон был тревожным, полным обрывков снов — пожара, зеркал, лиц людей, которых она знала и не знала. Она просыпалась несколько раз, слыша шёпот в коридоре, но каждый раз он исчезал, как только она открывала глаза.

Утром она встала с рассветом, приняла холодный душ и надела рабочие джинсы, водолазку и кожаную куртку. В карманы она положила скальпель, руны, которые вырезала на кусочках латуни, и фотографию Северина, которую нашла в своей папке. Она знала, что сегодня решится всё. Она встретится с ним в морге, где у них будет последний разговор. Она попытается уговорить его отказаться от сущности, а если не получится — использовать руну Иса, чтобы заморозить Зеркальщика. И в этот раз она не будет колебаться.

Она вышла из дома и направилась в морг, чувствуя, как холодный утренний воздух обжигает лёгкие. Швы были видны повсюду — тонкие золотистые нити, переплетающиеся над улицами, над домами, над её головой. Они пульсировали в такт городу, как будто сам мир готовился к чему-то важному.

В кабинете Северина было тихо. Он сидел за столом, как в прошлый раз, и читал какую-то книгу. Увидев Агату, он улыбнулся и отложил книгу.

— Я знал, что вы придёте, — сказал он. — Вы слишком упрямы, чтобы отказаться от правды.

— Я не за правдой, — ответила Агата, садясь напротив него. — Я пришла, чтобы остановить вас. Вы должны прекратить убивать людей. Это не ваше право.

Северин вздохнул, и в его взгляде появилась печаль.

— Вы не понимаете, — сказал он. — Я не могу остановиться. Сущность не позволит мне. Даже если я захочу, она найдёт нового носителя. И тогда будет хуже. Я единственный, кто может контролировать её, хотя бы частично.

— Я могу избавить вас от неё, — сказала Агата. — Я знаю способ. Но я должна действовать прямо сейчас. Вы должны довериться мне.

Он посмотрел на неё долгим взглядом, и в этом взгляде было что-то, что она не могла прочесть — смесь сомнения, любопытства и, возможно, надежды.

— Вы обещаете, что не причините мне вреда? — спросил он.

— Я обещаю, — ответила она.

Северин кивнул и закрыл глаза. Агата достала скальпель и руну Иса, вырезанную на кусочке латуни, и подошла к нему. Она знала, что у неё есть только один шанс. Если она ошибётся, Зеркальщик вырвется и уничтожит их обоих.

Она положила руку на грудь Северина и почувствовала, как под её пальцами вибрирует сущность, как она пытается вырваться, как она сопротивляется. Агата начала чертить руны на его груди, кончиком скальпеля, едва касаясь кожи. Северин вздрогнул, но не открыл глаз. Сущность забила сильнее, но Агата продолжала.

Когда руна была готова, она взяла кусочек зеркала, который принесла с собой, и приложила его к груди Северина. И в этот момент сущность вырвалась — она ворвалась в зеркало, пронзила его, и Агата увидела в нём своё собственное отражение, которое смотрело на неё с ненавистью.

— Нет! — закричала она, пытаясь удержать зеркало.

Но сущность была слишком сильной. Она вырвалась из зеркала, и Агата почувствовала, как её дар разрывается, как Швы сжимаются вокруг неё, как мир начинает рушиться.

Всё исчезло.

Она открыла глаза и увидела, что лежит на полу кабинета, а Северин стоит над ней, сжимая в руках разбитое зеркало. Оно было пустым. Сущность исчезла.

— Что произошло? — прошептала Агата.

— Вы освободили меня, — сказал Северин тихо. — Но вы не заперли её в зеркале. Она ушла. В город.

Агата почувствовала, как ледяной страх пронизывает её тело. Она освободила Зеркальщика. Теперь он свободен, и он будет искать нового носителя. И в этот раз она не знала, сможет ли остановить его.

Северин опустил на колени рядом с ней и посмотрел в глаза.

— Теперь вы понимаете, — сказал он. — Иногда, чтобы спасти одного, нужно рискнуть всеми. Вы рискнули, и вы потеряли. Но я всё ещё с вами. И я помогу вам найти её. Потому что я знаю, где она будет искать новое тело.

Он прошептал ей имя, и Агата почувствовала, как сердце замерло.

— Ян, — сказал он. — Она пойдёт к Яну. Потому что он самый слабый из нас. И он сделает всё, чтобы вернуть её.

Глава 5. Старый друг

Агата сидела на холодном кафельном полу кабинета Северина и смотрела на осколки разбитого зеркала, разбросанные по всей комнате. Каждый кусочек стекла отражал её лицо — множество её лиц, испуганных, растерянных, стареющих. Она слышала, как где-то далеко, на уровне подсознания, тикают часы, как гудит холодильник с биоматериалами, как капает вода из неисправного крана в умывальнике. Но всё это было где-то на периферии, потому что в центре её сознания пульсировала одна мысль: она освободила Зеркальщика.

Она освободила его.

Своими руками, своей уверенностью, своей верой в то, что она сможет контролировать сущность, если будет достаточно осторожной. Она ошиблась. Она позволила гордыне взять верх над разумом, и теперь Зеркальщик был на свободе, без носителя, без якоря, без ограничений. Он искал новое тело, и Северин сказал, что он пойдёт к Яну.

Ян. Имя, которое пять лет лежало в её памяти как заноза, как незаживающая рана, которую она боялась трогать. Ян был её другом, её напарником, её опорой после смерти семьи. Он был тем, кто держал её за руку в больнице, когда она просыпалась от кошмаров. Он был тем, кто помогал ей с работой, когда она не могла встать с кровати. И он же был тем, кто стоял у окна в ту ночь, когда горел её дом, и смотрел на пламя с холодным удовлетворением.

Агата подняла голову и посмотрела на Северина. Он стоял над ней, бледный, с пустыми глазами, в которых больше не было того святого огня, который она видела раньше. Сущность ушла из него, и он теперь был просто человеком — уставшим, испуганным, потерянным.

— Ты знал, что так будет? — спросила она тихо. — Ты знал, что я не смогу её удержать?

Северин покачал головой, опускаясь на корточки рядом с ней.

— Я знал, что это риск, — сказал он. — Но я не знал, что она вырвется так быстро. Я думал, у нас будет больше времени.

— Зачем ты согласился? — спросила она. — Ты мог отказаться. Ты мог сказать, что не хочешь рисковать.

— Потому что я хотел избавиться от неё, — ответил он просто. — Ты была права. Я не святой. Я просто человек, который пытался оправдать свои поступки, убеждая себя, что делаю добро. Но внутри я знал, что это ложь. Зеркальщик использовал меня так же, как я использовал его. Мы были партнёрами в преступлении, и я устал быть его марионеткой.

Агата смотрела на него, и в её груди смешивались гнев, жалость и странное понимание. Она знала, что такое быть марионеткой своих собственных демонов. Она знала, как легко оправдать свои поступки, когда тебе кажется, что у тебя нет выбора. Но она также знала, что у каждого есть выбор, даже если он кажется невыносимо трудным.

— Мы должны найти Яна, — сказала она, вставая с пола. — Если Зеркальщик найдёт его первым, он станет новым носителем. И тогда всё повторится.

Северин кивнул и тоже встал. Он был выше её, и в его глазах появилась решимость, которой не было раньше.

— Я знаю, где он, может быть, — сказал он. — У него есть убежище за городом. Старый дом, который принадлежал его бабушке. Он говорил о нём, когда мы... когда я ещё работал с ним.

— Ты работал с ним? — переспросила Агата, чувствуя, как холод пробегает по коже.

— Мы оба были Чистильщиками, — сказал Северин. — Ян был старше, опытнее. Он учил меня, когда я только начинал видеть Швы. Он знал о Зеркальщике больше, чем кто-либо, потому что он сам был, одержим им. Он хотел использовать сущность для того, чтобы воскресить свою дочь.

— Его дочь? — Агата замерла. — У него была дочь?

— Была. Она умерла от болезни за два года до того, как он начал работать с тобой. Он был сломлен, Агата. Он не мог смириться с её смертью. Он искал способы вернуть её, и Зеркальщик казался ему идеальным инструментом. Но сущность не воскрешает мёртвых. Она только даёт иллюзию жизни, создавая копии тех, кого мы потеряли. Ян не понимал этого. Или не хотел понимать.

Агата закрыла глаза, пытаясь осмыслить эту новую информацию. Ян, её друг и напарник, был одержим идеей воскресить свою дочь. И он был готов пожертвовать чужими жизнями ради этого. Включая жизнь её семьи.

— Поехали, — сказала она, открывая глаза. — Ты покажешь мне этот дом.

Они вышли из морга, и холодный утренний воздух ударил в лицо, заставляя Агату вздрогнуть. Город просыпался, и в сером небе уже занимался рассвет, окрашивая облака в бледно-розовые тона. Швы были видны повсюду, но теперь они выглядели иначе — более яркими, пульсирующими, как будто освобождение Зеркальщика всколыхнуло весь мир сущностей, заставив их проснуться и насторожиться.

— Моя машина на парковке, — сказал Северин, показывая в сторону старого «Форда», припаркованного у тротуара.

— Поедем на моей, — ответила Агата. — Я не доверяю тебе настолько, чтобы сесть в твою машину.

Он не обиделся, просто кивнул и последовал за ней к её старой «Ладе» — потрёпанной, но надёжной машине, которую она купила несколько лет назад на сэкономленные деньги. Она села за руль, он — на пассажирское сиденье, и они выехали на пустые утренние улицы.

По дороге Агата пыталась собраться с мыслями. В её голове крутились обрывки информации: Ян, ритуал, Зеркальщик, воскрешение дочери. Она думала о том, как он мог прийти к этому — от обычного напарника до убийцы, готового сжечь семью своего друга ради призрачной надежды. Она пыталась понять, что чувствовала бы она на его месте. Если бы она могла вернуть Зою ценой чужой жизни, сделала бы она это? Она хотела сказать «нет» сразу, но внутри неё зашевелилось сомнение. Горе делает людей эгоистами. Горе заставляет их совершать поступки, которые они никогда бы не совершили в здравом уме. И Ян, потеряв дочь, потерял и себя.

— Расскажи мне о ритуале, — сказала она, не отрывая взгляда от дороги. — Что он планировал сделать?

Северин помолчал, собираясь с мыслями, потом начал говорить:

— Зеркальщик — это не просто сущность, питающаяся виной. Это ещё и канал между мирами. Если правильно провести ритуал, используя руны и жертвенную кровь, можно открыть этот канал и призвать душу умершего. Но плата за это — душа живого человека. Ян должен был пожертвовать кем-то, кто был близок ему, чтобы его дочь могла вернуться.

— И он выбрал мою семью, — сказала Агата, и голос её дрогнул. — Он убил моего мужа и мою дочь, чтобы воскресить свою.

— Он думал, что они уже мертвы, — сказал Северин тихо. — Он не знал, что в квартире есть кто-то живой. Он думал, что вы уехали на выходные. Он планировал ритуал в пустой квартире, но вы вернулись раньше. Когда он увидел, что вы там, было уже поздно.

— Он мог остановиться, — прошептала Агата. — Он мог отменить ритуал. Он мог спасти их.

— Он не мог, — сказал Северин. — Ритуал уже начался, и он не знал, как его остановить. Он просто стоял и смотрел.

Агата сжала руль так сильно, что костяшки побелели. Ей хотелось кричать, плакать, бить по рулю кулаками, но она держала себя в руках. Она должна была оставаться холодной и расчётливой, если хотела найти Яна и остановить Зеркальщика.

— Как далеко этот дом? — спросила она.

— Около часа езды, — ответил Северин. — В посёлке за городом, у озера. Там тихо, никто не ходит. Идеальное место для того, чтобы спрятаться.

Они ехали в тишине, и Агата чувствовала, как напряжение внутри неё растёт с каждой минутой. Она думала о том, что скажет Яну, когда встретит его. Она думала о том, сможет ли она сдержаться и не убить его на месте. Она знала, что если убьёт его из мести, она станет идеальным сосудом для Зеркальщика. Её чувство вины и гнева будет питать сущность, делая её сильнее. Она должна была оставаться холодной. Она должна была быть таксидермисткой, препарирующей душу, а не убийцей, мстящей за прошлое.

Дорога петляла между старыми соснами, и лес становился всё гуще, пока они не выехали на просёлочную дорогу, покрытую гравием и сухими листьями. Впереди показался дом — старый, двухэтажный, с облупившейся штукатуркой и покосившимся крыльцом. Окна были тёмными, но из трубы шёл дым, тонкой струйкой поднимающийся к серому небу. Кто-то был внутри.

— Он здесь, — сказал Северин.

Агата остановила машину в ста метрах от дома, заглушила двигатель и вышла. Холодный воздух был наполнен запахом мокрой листвы и дыма. Она нащупала в кармане скальпель и убедилась, что он на месте.

— Ты идёшь со мной? — спросила она у Северина.

— Иду, — ответил он. — Я должен это сделать. Это моя вина.

Они подошли к дому, и Агата постучала в обшарпанную дверь. Никто не ответил. Она толкнула дверь, и она с лёгкостью открылась, скрипнув старыми петлями. Внутри было темно и пахло плесенью, старым деревом и чем-то ещё — запахом, который она узнала мгновенно. Запах Зеркальщика.

Они прошли в комнату, заставленную старой мебелью, и увидели Яна. Он сидел в кресле у камина, в котором горел слабый огонь. Он выглядел старше, чем пять лет назад — седой, с глубокими морщинами на лице, с глазами, в которых не было ни капли жизни. На столе перед ним лежала раскрытая книга с рунами и несколько пуговиц, таких же, как те, что Агата собирала с мест преступлений.

— Агата, — сказал он, когда она вошла. — Я знал, что ты придёшь.

— Ян, — сказала она, с трудом сдерживая голос. — Что ты наделал?

Он усмехнулся — горько, безрадостно.

— Я пытался исправить прошлое, — сказал он. — Я пытался вернуть её. Мою дочь. Ты не представляешь, что такое потерять ребёнка. Ты не представляешь, как это ломает тебя.

— Ты убил мою семью, Ян, — сказала Агата, делая шаг вперёд. — Ты убил моего мужа и мою дочь. И теперь ты хочешь, чтобы я тебя пожалела?

— Я не прошу жалости, — ответил он. — Я прошу понимания. Ты знаешь, что такое быть одержимым идеей. Ты знаешь, что такое идти до конца. Мы с тобой похожи, Агата. Мы оба готовы на всё ради тех, кого любим.

— Мы не похожи, — сказала она холодно. — Я никогда не убивала невиновных. Я никогда не предавала тех, кто доверял мне. Ты — чудовище, Ян. Ты был чудовищем, когда сжигал мой дом, и ты остался чудовищем сейчас.

Ян медленно встал с кресла, и Агата заметила, как его глаза начинают менять цвет — из серых они становятся почти чёрными, как бездонные колодцы. Зеркальщик уже был в нём. Он уже начал вселяться.

— Поздно, — сказал Ян голосом, в котором слышались два голоса — его собственный и хриплый, шепчущий голос сущности. — Она уже здесь. Она вошла в меня, когда я открыл книгу. Она сильнее, чем я думал.

— Мы можем избавить тебя от неё, — сказал Северин, делая шаг вперёд. — Агата знает, как это сделать. Она может препарировать сущность, не убивая тебя.

Ян засмеялся — жутко, с оттенком безумия.

— Я не хочу избавляться от неё! — крикнул он. — Я хочу использовать её! Я хочу вернуть свою дочь! Я не остановлюсь, даже если вы убьёте меня!

Он поднял руки, и Агата почувствовала, как воздух вокруг них начинает вибрировать, как Швы на стенах начинают расширяться, как Зеркальщик начинает питаться его виной, делая его сильнее. Она знала, что у неё есть всего несколько секунд, чтобы остановить его, прежде чем сущность полностью захватит его разум.

Она достала скальпель и руну Иса, которую подготовила заранее, и бросилась вперёд, пытаясь коснуться его груди, чтобы начертить символ. Но Ян был быстрее. Он схватил её за запястье и сжал так сильно, что она услышала хруст костей. Боль пронзила её руку, и она чуть не выронила скальпель.

— Ты думала, что сможешь меня остановить? — прошептал он, наклоняясь к её лицу. — Ты всегда была слишком самоуверенной, Агата. Ты думала, что твой дар делает тебя особенной. Но ты такая же, как все. Сломленная женщина, которая пытается заполнить пустоту внутри себя мёртвыми животными.

— Ты не прав, — сказала она, смотря ему прямо в глаза. — Я не пытаюсь заполнить пустоту. Я пытаюсь исцелить её. И я исцелю её, даже если для этого мне придётся уничтожить тебя.

Она вырвала руку из его хватки и резко ударила его скальпелем в плечо, чуть выше сердца. Ян закричал, отпустил её и отшатнулся, прижимая руку к ране. Агата не стала ждать. Она вырезала руну на его груди, прямо на коже, и приложила к ней кусочек зеркала, который всё ещё был у неё.

Зеркальщик забился внутри Яна, пытаясь вырваться, но руна Иса начала действовать, замораживая его, сковывая его движения. Ян замер, и его глаза на секунду стали нормальными — серыми, уставшими, полными слёз.

— Прости меня, Агата, — прошептал он. — Я не хотел причинять тебе боль.

— Слишком поздно, — сказала она, заканчивая ритуал.

Зеркальщик вырвался из Яна в виде золотистого облака и втянулся в кусочек зеркала, который Агата держала в руках. Она быстро закрыла его ладонью, чувствуя, как сущность бьётся о стекло, пытаясь вырваться. Она запечатала зеркало кусочком латуни с руной Иса, и сущность затихла.

Ян упал на пол, тяжело дыша, но живой. Зеркальщик ушёл из него, оставив его просто человеком — старым, больным, потерявшим всё.

Агата смотрела на него, сжимая в руке зеркало, в котором была заперта сущность. Она могла бы уничтожить его сейчас, разбить зеркало и убить сущность навсегда. Но она знала, что это не решит проблему. Зеркальщик уже оставил свои следы в городе, в отражениях, в Швах. Ей нужно было найти способ полностью уничтожить его, а не просто запечатать.

— Что теперь? — спросил Северин, стоя над Яном.

— Теперь я отвезу его в город, — сказала Агата. — Соколову будет интересно узнать, что он убил мою семью. А потом я решу, что делать с Зеркальщиком.

Она наклонилась, подняла Яна за плечо и помогла ему встать. Он был слабым, почти безвольным, и она знала, что он больше не представляет угрозы. Но в её груди всё ещё горел гнев, и она знала, что не сможет просто забыть о том, что он сделал.

Она вышла из дома, держа в одной руке зеркало с сущностью, а другой, поддерживая Яна. Северин шёл за ними. Ветер стих, и лес вокруг них затих, как будто сама природа ждала, что она сделает следующий шаг.

Агата посмотрела на небо, где в серых облаках пробивались первые лучи солнца, и подумала о том, что её борьба ещё не закончена. Она поймала Зеркальщика, но он всё ещё был жив. Она нашла убийцу своей семьи, но это не вернуло ей мужа и дочь. Она стояла на пороге нового

дня, не зная, что принесёт он ей, но зная, что она не остановится, пока не будет побеждена последняя тень прошлого.

— Поехали, — сказала она, помогая Яну сесть в машину. — Нам нужно закончить это.

Она села за руль, и они поехали по пустой просёлочной дороге, оставляя позади старый дом, где началась и где закончилась одна история. Но Агата знала, что впереди их ждёт ещё много страниц, и каждая из них будет написана кровью, потом и слезами.

Глава 6. Пуговичный мастер

Дорога обратно в город казалась бесконечной.

Агата вела машину одной рукой, второй сжимая запечатанное зеркало, которое лежало у неё на коленях. Сущность внутри него иногда пульсировала, заставляя стекло вибрировать, и тогда по пальцам пробегал холодный электрический ток, напоминающий о том, что Зеркальщик жив и только ждёт момента, чтобы вырваться на свободу. Она чувствовала его присутствие, его голод, его терпение. Это было похоже на то, как если бы она держала в руках дикого зверя, загнанного в клетку, который не нападает, но внимательно наблюдает за каждым движением.

Ян сидел на заднем сиденье, пристёгнутый ремнём безопасности, который она затянула так туго, что он с трудом дышал. Он не сопротивлялся, не пытался бежать, не говорил ни слова. Он просто сидел, уставившись в одну точку, и его лицо было серым, как пепел. Северин расположился на переднем пассажирском сиденье, поглядывая на Агату с тревогой, которая не утихала с момента их разговора в лесу.

— Ты сможешь удержать его? — спросил Северин, кивая на зеркало. — Оно не разобьётся само по себе?

— Я использовала руну Иса, — ответила Агата. — Она замораживает сущность, лишает её движения. Пока руна цела, зеркало будет держать её. Но я не знаю, сколько это продлится. Руна может ослабнуть, если сущность будет слишком долго пытаться вырваться.

— Тогда нужно поскорее найти способ уничтожить её окончательно, — сказал Северин. — Ты знаешь, как это сделать?

— Я знаю, что можно использовать огонь, — сказала Агата. — Но не обычный. Огонь Швов, тот, что горит между мирами. Если бросить зеркало в такой огонь, сущность сгорит вместе с ним. Но найти Шов, в котором горит такой огонь, сложно. Они появляются случайно, и чаще всего там, где произошло что-то ужасное.

— Есть одно место, — сказал Ян с заднего сиденья, и его голос прозвучал хрипло, как будто он долго молчал. — Старое здание на окраине, бывший крематорий. Там Шов открывается почти каждую ночь. Если хочешь уничтожить её, это единственный способ.

Агата посмотрела на него в зеркало заднего вида. Его глаза были пустыми, но она чувствовала, что он говорит правду.

— Почему ты помогаешь мне? — спросила она.

— Потому что я устал, Агата, — ответил он тихо. — Я устал бежать, устал лгать, устал ненавидеть себя. Ты можешь не верить мне, но я хочу, чтобы это закончилось. Я хочу, чтобы она исчезла навсегда, чтобы никто больше не страдал из-за неё. Даже если это не искупит моей вины.

Агата ничего не ответила. Она не могла простить его, но она могла принять его помощь, потому что это было единственным, что имело значение сейчас.

Они въехали в город к полудню. Серое небо, пронизанное лучами солнца, освещало мокрые после ночного дождя улицы. Город жил своей привычной жизнью — люди спешили по делам, машины сигналили на перекрёстках, дети бежали в школу с портфелями за спиной. Но для Агаты всё это было фоном, декорацией к её собственной драме. Она думала о том, что скажет Соколову, как объяснит ему, что привезла человека, который убил её семью, пять лет назад и только что пытался стать носителем опасной сущности.

Она припарковалась у здания управления, выключила двигатель и повернулась к Яну.

— Ты выйдешь сам, или мне помочь тебе? — спросила она.

Ян посмотрел на неё, и в его глазах мелькнула тень той улыбки, которую она помнила по их совместной работе.

— Я выйду сам, — сказал он. — Ты и так слишком много для меня сделала.

Он отстегнул ремень, открыл дверь и вышел на улицу, где его сразу встретили двое полицейских, которых позвал Соколов. Агата вышла следом и увидела капитана, который стоял на крыльце с мрачным лицом.

— Ты привезла его, — сказал Соколов, глядя на Яна. — Ты уверена, что это он?

— Уверена, — ответила Агата. — Он признался мне. И у меня есть доказательства. Книга с рунами, которую он использовал для ритуала, находится в его доме. Я дам тебе адрес.

Соколов кивнул, и полицейские увели Яна внутрь. Агата хотела пойти за ними, но Северин остановил её, коснувшись плеча.

— Ты не должна сейчас быть там, — сказал он тихо. — Ты должна заняться зеркалом. Если мы промедлим, сущность может вырваться, и тогда всё будет зря.

Агата знала, что он прав. Она повернулась к Соколову и быстро объяснила, что у неё есть ещё одно дело, которое не терпит отлагательств. Капитан не стал задавать лишних вопросов — он привык к её странностям и знал, что если она говорит, что дело срочное, значит, так оно и есть.

Она села в машину, и Северин занял место рядом с ней.

— Ты знаешь, где этот крематорий? — спросила она.

— Знаю, — ответил он. — Это на улице Промышленной, за старым заводом. Я был там однажды, когда работал с одним делом. Место мрачное, заброшенное, но Шов там действительно открывается почти каждую ночь.

— Тогда поехали, — сказала Агата, заводя двигатель.

Они ехали через город, и Агата чувствовала, как зеркало на её коленях начинает нагреваться. Сущность внутри него реагировала на что-то, возможно, на приближение к месту, где она могла быть уничтожена. Или, наоборот, где она могла вырваться. Агата сжала зеркало крепче и постаралась успокоить дыхание.

Крематорий оказался именно таким, как описывал Ян — старым, мрачным зданием из красного кирпича, с облупившейся штукатуркой и выбитыми окнами. Вокруг него рос бурьян, и ветер гнал сухие листья по бетонному полу, который когда-то был дорогой. Запах здесь был особенным — смесь гари, сырости и чего-то ещё, что Агата не могла определить, но что заставило её дар вибрировать.

— Шов здесь, — сказал Северин, указывая на заднюю стену здания. — За ней, в старой печи. Там, где сжигали тела, Шов открывается почти каждую полночь.

Агата посмотрела на часы — было половина первого дня. До полуночи оставалось больше десяти часов. Она не могла ждать так долго — сущность могла вырваться раньше.

— Мы не можем ждать до полуночи, — сказала она. — Есть другой способ?

— Есть, — сказал Северин. — Мы можем открыть Шов сами, если у нас есть достаточно энергии. Но для этого нужен ритуал. И жертва.

Агата почувствовала, как холод пробегает по спине.

— Никаких жертв, — сказала она твёрдо.

— Я не говорю о человеческой жертве, — ответил Северин. — Достаточно крови животного. Или... твоей собственной крови. Ты — носитель дара, и твоя кровь сильнее, чем кровь обычного человека. Если ты готова пожертвовать немного, мы сможем открыть Шов.

Агата задумалась. Она никогда не использовала свою кровь для ритуалов, но она знала, что это возможно. Она видела, как другие Чистильщики делали это, и знала, что это не смертельно, если не перестараться.

— Хорошо, — сказала она. — Что мне нужно делать?

Северин показал ей, как начертить круг на земле, используя руны, которые она знала. Он объяснил, что она должна встать в центр круга, взять в руки зеркало, сделать надрез на ладони

и произнести слова, которые он ей даст. Это должно было призвать Шов и открыть его ровно настолько, чтобы можно было бросить зеркало в огонь.

Агата сделала всё, как он сказал. Она начертила круг, встала в центр, держа зеркало перед собой. Она сделала надрез на ладони, чувствуя острую боль, и позволила крови капать на землю. Она произнесла слова, которые он дал ей, и воздух вокруг неё начал меняться. Швы на стенах задрожали, и перед ней начало появляться золотистое свечение — Шов открывался, и из него вырывался жар, похожий на дыхание самой земли.

Она подняла зеркало, готовая бросить его в огонь, но в этот момент сущность внутри зеркала начала сопротивляться. Она билась о стекло, и зеркало в её руках затряслось, чуть не выскользнув из пальцев. Агата услышала голос — не голос, а шёпот, который эхом разнёсся по всему зданию.

— Ты думаешь, что сможешь уничтожить меня? — прошептал Зеркальщик. — Я часть тебя. Я часть каждого, кто носит в себе вину. Ты никогда не избавишься от меня. Я буду жить в твоих отражениях до тех пор, пока ты помнишь свою дочь.

Агата замерла, и в этот миг в зеркале появилось отражение — её дочь, Зоя, стояла в огне и смотрела на неё с улыбкой. Она протягивала руки, и её губы беззвучно шептали: "Мама, помоги мне".

Это была иллюзия. Агата знала это. Но знание не помогало — её сердце сжалось, и рука, держащая зеркало, дрогнула.

— Не слушай его! — крикнул Северин. — Это обман! Он пытается тебя остановить!

Агата закрыла глаза, глубоко вздохнула и мысленно сказала себе: "Это не Зоя. Зоя мертва. И я не могу вернуть её, но я могу остановить того, кто использует её память против меня".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.